

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

**St.Petersbourg Journal
of Oriental Studies**

выпуск 1

volume 1

Издательско-Коммерческая Фирма
"ВОДОЛЕЙ"

Санкт-Петербург

1992

Альманах "Петербургское Востоковедение" издается по мере накопления материала, но не реже двух раз в год. Центр "Петербургское Востоковедение" выражает признательность фирме "ИНТ" за помощь в подготовке настоящего выпуска альманаха.

Редколлегия: И.Алимов (редактор-составитель)
Roger T.Ames (University of Hawaii, USA)
Stephen H.West (University of California, USA)
М.Родионов (Музей Этнографии им.Петра Великого)

Над выпуском работали: С.Сухачев, А.Ланьков, Н.Гурова,
О.Трофимова, Д.Ильин

Адрес для корреспонденции:
199034 Санкт-Петербург
Университетская наб.3
Музей Этнографии
им.Петра Великого
И.Алимов

Contact address:
Igor A.Alimov
Peter The Great Museum
of Ethnography
3 Universitetskaya nab.
St.Petersbourg 199034

tel: (812) 218 43 77
fax: (812) 218 08 11

Публикуемые материалы подвергаются исключительно техническому редактированию. Центр приносит свои извинения за недостатки настоящего издания.

- © Центр "Петербургское Востоковедение", 1992
- © St.Petersbourg Centre for Oriental Studies, 1992
- © 聖彼得堡東方學中心, 1992
- © И.Алимов, составление, 1992

☞ All rights reserved ☜

ISBN 5-87852-010-9

СТАТЬИ И ПЕРЕВОДЫ

Стилизация и "высокий стиль" (Японская повесть XVIII в. "Нисияма-моногатари")

И.В.Мельникова
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Созданная японским ученым, художником, писателем Такэбэ Аятари, повесть "Нисияма-моногатари" (Повесть Западных гор) появилась в 1768 году, вскоре после так называемого "инцидента Гэнга". Двадцатишестилетний крестьянин Ватанабэ Гэнга зарубил мечом свою сестру, семнадцатилетнюю Яэ, причем сделал это на пороге дома деревенского старосты Ватанабэ Дандзи, члена того же рода Ватанабэ. Причиной послужило то, что Гэнга узнал о любовной связи своей сестры с сыном старосты, но, предложив поженить молодых людей, получил от Ватанабэ Дандзи отказ. Такэбэ Аятари воспользовался этим фактом для того, чтобы рассказать романтическую историю о несчастной любви и восставить самурайские доблести, прежде всего понятие о личной чести и чести рода, которое становилось внесловной категорией. Однако целью автора было также продемонстрировать, каким образом следует говорить о подобных предметах в художественном произведении. Сформулированная в предисловии к повести творческая установка автора такова: "изображать новое по-старому и заменять грубое изящным".

Для нас интересны в этой повести не только личные пристрастия ее автора. "Повесть Западных гор" появилась в то время, когда японская художественная проза переживала период ценностной переориентировки. Настало время пересмотра традиционных средневековых категорий высокого и низкого, когда

"высокой литературой", достойной внимания ученого мужа, считалась историко-философская проза на китайском языке, китайские стихи, классическая японская поэзия и проза (вака, вабун, канси, камбун). Неортодоксальные направления в конфуцианстве признавали за образованным человеком право интересоваться современной художественной литературой, получить от нее эстетическое удовольствие, а не только моральный урок. С этими были согласны и сторонники направления "национальной науки" (кокугаку). Первые пытались создать достойную высокообразованного читателя художественную прозу, подражая китайским повестям и романам, перенося их на японскую почву в виде переводов и переложений. Вторые ориентировались на японскую классическую литературу. Поскольку Такэбэ Аятари принадлежал к направлению "кокугаку", остановимся на этом подробнее.

Подражание в произведениях последователей "национальной науки" классическим повестям и романам (моногатари) раннего средневековья, так же как и точное следование поэтическим канонам придворных антологий вака (японских песен) в их поэтическом творчестве, дало жизнь так называемому стилю "гикобун" - "ложноклассический стиль".

Стихи и проза в ложноклассическом стиле обычно представляли собой подражания совершенно определенным литературным памятникам: одни поэты писали в духе антологии "Манъесю", другие подражали "Синкокинсю", некоторые чередовали стилизации самых древних безыскусных стихов из "Кодзики" со стилизациями изысканно-утонченных поздних придворных антологий. Ведь целью творчества было не столько выражение собственных чувств, сколько желание постичь внутренний мир древних японцев, приобщиться к их "моральной чистоте" и "душевной незамутненности", и, в зависимости от того, какой именно период национальной литературной истории казался авторам образцовым, они выбирали объект для подражания.

Такэбэ Аятари снабдил свою повесть междустрочным комментарием, обнажив прием стилизации. Только в авторском

комментарии указано 15 источников заимствования, начиная с древнейшего свода мифов и легенд "Кодзики" (712), и кончая стихотворной антологией "Синкокин вакасю" (1201).

По-видимому, не случайно наибольшее количество авторских ссылок приходится на антологию "Манъесю" (113 ссылок) и старейшие литературные памятники "Кодзики" (39 ссылок) и "Нихонги" (53 ссылки). Именно эти произведения пользовались особым авторитетом у сторонников кокугаку. Но повесть Аятари нельзя назвать подражанием какому-либо определенному произведению. Легко проследить зависимость между предметом изображения и характером привлекаемых литературных источников. Например, если в первой главе повести, где рассказывается о похищении меча, заимствований из "Кодзики и "Нихонги" (у самого Аятари 19 ссылок) гораздо больше, чем из других источников, во второй главе, повествующей об истории любви Каэ и Усуми, резко возрастает число ссылок на "Манъесю" (17 ссылок) и на "Гэндзи моногатари" (8 ссылок), а на "Кодзики" и "Нихонги" автор ссылается лишь в шести случаях. Там же, где Аятари необходимо подчеркнуть изящество и утонченность внешнего проявления чувств героев (глава "Письма"), он обращается к антологии "Кокинсю", ставшей образцом стилистического совершенства для поэтов последующих веков.

Имеет значение то, о ком из героев идет речь. Образ отважного воина Ситиро создается главным образом за счет реминисценций из "Кодзики" и "Нихонги", влюбленные сродни кавалерам и дамам из придворной повести "Исэ моногатари". В этой дифференциации заключается отличие ложноклассического стиля Такэбэ Аятари, например, от стиля Када Аримаро и других ученых-кокугакуся предшествовавшего периода (см.4, с.277). Такэбэ Аятари пользуется открывшимися новыми возможностями стиля "гикобун" еще не очень уверенно, диапазон привлекаемых источников все же невелик, однако именно Такэбэ Аятари был первооткрывателем в этом направлении. Быть может, осознавая эту свою миссию, он считал необходимым ввести в текст повести комментарий.

В "Повести Западных гор" можно выделить следующие типы авторского комментария¹ :

1. Указание на источник заимствования.

2. Пояснение архаичного слова - приводится толкование или современный эквивалент слова, иногда имеются этимологические или грамматические справки.

3. Отрывок из источника заимствования или целое стихотворение, откуда автор использовал слово или образ.

4. Помета "старое слово".

5. Пояснение поэтического приема.

Аятари сочетает эти типы комментария, и в некоторых случаях, употребив слово или образ из классического произведения, сразу указывает на источник заимствования, приводит классический контекст, дает некоторые пояснения. Указание на источник заимствования помогает читателю восстановить в памяти классический контекст. Это особенно важно, когда автор употребляет слово или словосочетание, само по себе не являющееся тропом, но ассоциативно окрашенное в силу привязки к определенному контексту. В случае использования традиционных поэтических образов, указание на источник заимствования (например, на антологию "Манъесю") служит главным образом просветительским целям.

Нельзя не отметить и то, что большое количество ссылок и помет в тексте повести - не более, чем знаки, фиксирующие принадлежность лексики к слою архаизмов. Иногда автор снабжает пометой "старое слово" или ссылкой на какой-нибудь памятник слова отнюдь не устаревшие, а такие, которые живут в языке и поныне. Лишь в редких случаях это означает, что привычное слово употреблено в его старом, исконном значении. Например, слово "отоко", которое и во времена Аятари, и сейчас означает "мужчина",

¹ В приведенном ниже своем комментарии к переводу "Повести Западных гор" мы даем ссылки на авторский комментарий лишь тогда, когда он оправдан художественно. Полностью авторский комментарий см.3, сс.245-288.

в повести употребляется со ссылкой на "Нихонги", в старинном значении "мужчина в расцвете сил, воин". Слово "седзи" - оклеенные бумагой ширмы - везде записано у Аятари слоговой азбукой как "содзи". Так оно зафиксировано в "Гэндзи моногатари", и Такэбэ Аятари настаивает на его устаревшем произношении, ссылаясь на классический роман.

Во многих случаях ссылки лишь придают авторитет использованной лексике. Например, дожившее до наших дней слово "куса-гуса" (разный, всякий) Аятари снабдил ссылкой на древнейшие синтоистские культовые произведения "Норито" ("Молитвословия").

Обширен и слой историзмов в "Повести Западных гор", но использование их вряд ли продиктовано желанием Аятари воссоздать атмосферу "средних веков", куда он отнес действие повести. Названия старинных отживших реалий автор употребляет для обозначения бытовых предметов своего времени, то же можно сказать и о словах, обозначающих должности, титулы. Например, говоря о князе - поклоннике воинских искусств, Аятари обозначает его поместье словом "сирутокоро", как называли свои поместья аристократы. Недаром Аятари приписал к этому слову, записанному азбукой, иероглифическое пояснение "ресе" - так называло свои поместья военное дворянство, и это слово было знакомо современникам Аятари.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что акцентируя внимание читателя комментарием, Аятари решал как художественные, так и дидактические задачи. По-видимому, такое явление, как авторский комментарий, характерно для периодов складывания национальных литературных языков нового времени. Интересно отметить, что в России Антиох Кантемир, автор первой трети XVIII века, как и Такэбэ Аятари, сопровождал свои произведения автокомментарием, поясняя значения слов, раскрывая аллегории, указывая на источники аллюзий (главным образом из латинской поэзии).

Опыт "Повести Западных гор" послужил наглядным свидетельством того, что использование классического наследия

плодотворно лишь тогда, когда оно помогает решению художественных задач. Намеченный Такэбэ Аятари путь введения архаичной ассоциативно окрашенной лексики для передачи соответствующего настроения, для характеристики героев и ситуаций, для создания "второго плана" в повествовании был в дальнейшем развит такими авторами, как Уэда Акинари, Такидзава Бакин, которые распространили этот метод и на образно-лексический слой китайского происхождения.

Здесь мы сосредоточили внимание на стилистических поисках Аятари в области языка, но в "Повести Западных гор" автор обращался к классическому наследию и за сюжетно-фабулистическими мотивами, учился у классической прозы развертывать сюжет, очерчивать характер, исподволь выявлять собственное отношение к изображаемому (см.2). Такэбэ Аятари широко использовал и традиции классической поэзии "вака": ввел в повесть поэтический диалог "мондо", использовал постоянные эпитеты "макура-котоба", топонимы "ута-макура". В известной степени, привлечение цитат и реминисценций также восходит к поэтическому приему "хонка-дори", суть которого в использовании авторами стихов предшественников (цитирование, заимствование образов, ситуаций, способов решения темы). Не приводя в данном случае конкретных примеров из повести Аятари, сошлемся на наш комментарий к переводу. Обращение к средствам поэзии для "возвышения" языка прозы - это достаточно известный в мировой литературе прием. Здесь употребление этого приема является подражанием классическим японским романам, то есть перед нами опять стилизация.

Бережное отношение к национальной художественной традиции свойственно японской литературе на всем протяжении ее развития. Нет ничего удивительного в том, что японские авторы XVIII века обратились к хэйанскому "золотому веку" японской литературы, рассматриваемому как классический. Однако использование поэтических приемов классической литературы в "Повести Западных гор" существенно отличается от того, как использовали классическое наследие авторы предшествовавших

веков. Как отмечают японские исследователи, деятельность ученых-кокугакуся привела к осознанию классической литературы как литературы прошлого, подчеркнула историческую дистанцию между классикой и современностью (см.4, с.264). Соответственно стилистика и поэтика древних литературных памятников стала восприниматься в историческом плане. Во-первых, это дало возможность наполнить новым смыслом привлечение классического наследия. Обращение к классическим приемам уже не просто "украшало" текст, но несло большую идейную нагрузку, служило выражением авторского эстетического кредо - преклонения перед классической японской литературой. Во-вторых, появилась возможность использовать только что открытые исторические различия между литературными стилями для их "взаимоосвещения" (М.М.Бахтин). Автор "Повести Западных гор" Такэбэ Аятари стоял на пути от традиционного "подражания древности", принятого среди кокугакуся, к гибкому творческому использованию "стыков" между различными стилистическими пластами. Можно сказать, что в этой повести Такэбэ Аятари выступил "архаистом-новатором" (Ю.Тынянов).

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Мельникова И.В. Поэтика ложноклассицизма в художественных произведениях деятелей "национальной науки". В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Материалы десятой научной конференции. М., 1982.
3. Мельникова И.В. Становление жанра "емихон" в японской литературе XVIII века и произведение Такэбэ Аятари "Повесть Западных гор" (Нисияма моногатари, 1768). (Канд.дис., Л., 1982).
4. Накамура Юкихико. Гэсаку рон. Токио, 1966.
5. Такэбэ Аятари. Нисияма моногатари. (Пред.и ком. Такада Мамору - Нихон котэн бунгаку дзэнсю. Т.48, Токио, 1973).

ПОВЕСТЬ ЗАПАДНЫХ ГОР

Такэбэ Аятари

Предисловие монаха Конрю

И нынче, и встарь неизменны страсти человеческие. Разница между старым и нынешним - в словах. С чем сравнить эти различия в словах? В мире бывают периоды расцвета и времена упадка, среди людей бывают утонченные и грубые - также и тут. Велики отличия - велики трудности, даже если к языку древности обращается ученый муж. Даже тот, кто слывет знатоком, подобен человеку, который чешет зудящую ногу, не снимая обуви, - приятного в этом мало.

Но тому, кто умеет рассказывать о нынешнем, тщательно подражая старине, кто для грубого находит соответствующие благородные слова, задачи по силам. Аятари из Восточной столицы¹ преуспел в изучении древности, знает нашу жизнь и заменяет низкое изящным. Насаждая науку возрождения национального духа², знаменем своим он сделал катаута³. Для национального духа

¹ Восточная столица - г. Эдо (ныне Токио), где находилась ставка военного правителя сегуна. Так называли г.Эдо в отличие от старой императорской столицы г.Киото.

² Имеется в виду кокугаку - "национальная наука".

³ Катаута - "неполная песня" - древнейшая поэтическая форма в Японии. Аятари ратовал за возрождение катаута и сам слагал эти трехстишия, по форме совпадающие с хайку, но с обилием архаизмов.

катаута - то же, что стихи цзецзюй⁴ для китайской поэзии. В построении строфы, в форме стиха у них особая изысканность. Интонации здесь приподнятые, обороты речи изящные, образцами нередко служат древние произведения. Самое известное из таких произведений - свой "Записей о делах древности", составленный по велению государя Кемихара-тэнно⁵ неким Абэ-но Ясумаро⁶.

Нынче по законам этой поэтической формы создают хайку⁷, и кое-кто вставляет в стихи местные словечки и некрасивые обороты - это похоже на грубое ворчание и никуда не годится. Плохо, что многим нравятся эти безыскусные песни провинциалов.

Аятари опечален такой косностью простого человека. Восстанавливая оборванные нити связи с древностью, он мечтает отныне и навек повсеместно распространить катаута. Он самоотверженно пошел по этому пути и не жалеет сил, тяжело ему встречать неудачи и непонимание.

Мое же мнение таково: нужно усердно трудиться, у кого есть воля - тот своего добьется.

В минувшем году Аятари приехал в Столицу Мира и Спокойствия⁸, отгородил занавесом место для занятий и стал читать лекции. Возле входа туда всегда много обуви.

⁴ Китайская поэтическая форма цзецзюй - "оборванные строфы" - сложилась в начале эпохи Тан (618-907) и представляла собой четверостишие по пять или семь слов в строке.

⁵ В древности имена императоров табуировались: императора Тэмму (годы правления 673-686), который отдал приказ о составлении первой официальной хроники, именовали Кемихара-тэнно - сын неба из Кемихара (по названию дворца). Автор предисловия называет Тэмму на старинный лад.

⁶ Автор предисловия допускает неточность: имя составителя "Кодзики" - О-но Ясумаро.

⁷ Поэтическая форма хайку, широко распространенная во времена Аятари, строится так же, как катаута - это трехстишие с чередованием слогов - 5-7-5.

⁸ Столица Мира и Спокойствия - Хэйан, старое название города Киото.

Желая помочь своим ученикам в овладении искусством изображать новое по-старому и заменять грубое изящным, Аятари в трех свитках описал недавнее событие и назвал это "Повесть Западных гор".

Если тот, кто стремится постичь национальный дух и катаута, будет утром, да еще и вечером изучать эту книгу, мастерство его вырастет так, словно он побывает в горах Чжуанюэ⁹.

Сам же я - поклонник древней красоты и дружен с теми, кто свернул с мирских дорог. Предисловие это написал в ответ на просьбу.

Вторая луна пятого года эры Мэйва.

Год крысы старшего брата земли¹⁰.

Написал бродячий монах старец Кео по прозвищу Конрю - Золотой Дракон¹¹.

⁹ Существует китайская пословица, берущая начало в книге "Мэн-цзы": "То, что надо удлинить, помещают на несколько лет в ущельях гор Чжуанюэ". Подразумевается, что в узких ущельях все живое тянется вверх. Здесь это сказано в переносном смысле о мастерстве.

¹⁰ 1768 г., второй месяц лунного календаря.

¹¹ Автор предисловия - друг Такэбэ Аятари, священник секты Тэндай по имени Сехо Кео (1712-1782), с 1759 г. вел жизнь странствующего монаха.

ПОВЕСТЬ ЗАПАДНЫХ ГОР

Часть I

Глава I

ЗОЛОТО

В деревне Мацуо уезда Отокуни провинции Ямасиро жил человек воинского рода по имени Омори Ситиро. Всего у его матери детей было трое: кроме Ситиро была младшая сестра по имени Каэ и еще меньший брат Содзи. Жена у Ситиро умерла рано, а престарелая мать была жива, и, хотя в доме терпели нужду, о матушке все трое детей заботились как могли. В этой же местности жил мужчина по имени Хатиро, тоже родня им. Жил он вдовцом, но жена оставила ему по себе память - любимого сына Усуми. Как и Ситиро, жил этот Хатиро бедно. Никаким особым ремеслом он не занимался, но, поскольку был искусен в обращении с мечом, понемногу учил других, тем и жил. Ситиро тоже в умении владеть мечом превзошел многих, к тому же хорошо стрелял из лука и ловко держался в седле. Ростом он был около шести сяку и двух сун¹ и меч носил длиннее обычного.

Муж этот, Ситиро, приходился Хатиро двоюродным братом, и были они потомками воина Омори Хикосити². Про меч Ситиро говорили, что другого такого нет на свете: когда прославленный Кусуноки Масасигэ³ потерпел поражение в битве возле реки Минотогава в Сэтцу и погиб там, меч его, обогранный кровью, взял себе Омори Хикосити, и вот этот "отточенный клинок" славного Масасигэ, ставший достоянием семьи Омори, носил у пояса Ситиро, потомок Хикосити.

Из поколения в поколение передавали, будто душа отважного Кусуноки оставалась привязана к оружию, что послужило причиной всяких удивительных происшествий, и некий Ситиро, предок в седьмом колене нынешнему Ситиро, поднес этот меч в дар одному храму в горах. С тех пор о чудесах больше не слышали, род богател и процветал, был принят в могущественный клан, и с фамилией Омори считались.

Ну а нынче семья обеднела, пропали все богатства. И вот наш Ситиро, который в совершенстве следовал пути воина, так что люди величали его "благородным рыцарем нынешних времен", крепко призадумался: "Единственная ценность в нашей семье - меч. И такой меч, испугавшись, точно женщины, пустяков, мы понапрасну отдали в храм. Как это горько! Пусть даже семья моя станет бедной, пусть являются мне дурные знамения - что из этого? Чтобы вернуть назад этот меч, я готов был бы поступиться всеми семью сокровищами"⁴.

Так он думал целыми днями, и однажды, приготовив пятьсот золотых монет, отправился с тот самый храм, куда его предок в седьмом колене отнес меч.

"Я - потомок Омори Хикосити! Нынче хочу с почтением поднести храму пятьсот золотых монет. А мне верните меч - святыню, которая здесь хранится," - так он попросил.

"Вот хорошо!" - думал про себя настоятель храма, но виду не показал. "Что я слышу! На это невозможно согласиться. Ведь меч носил у пояса сам Масасигэ! А разве не говорят люди, будто под небесами он - зеркало воинской доблести? Раз уж оружие принадлежало такому человеку, оно достойно сравниться с мечом Кусанаги⁵, - я, настоятель храма, думаю так. А деньги - что они значат! Да будь тут хоть тысяча золотых - их только в воду бросить, вот как заповедал нам Будда. Ты пришел и принес сюда такую изменную вещь; если ты в обмен за нее получишь то, что пожертвовал твой предок, что, к тому же, является сокровищем страны, настоятеля этого храма сочтут глупцом... А то еще скажут, что в сердце моем поселилась алчность и будут меня презирать..." -

настоятель говорил с простодушным видом и теребил четки, сложив руки на животе.

Ум у Ситиро был острый от рождения, "быстро и решительно" проник он в думы настоятеля.

"О том, пред чем должно трепетать, я говорил непочтительно. Но раз уж принес золото, чтобы пожертвовать его храму, не возвращаться же мне с ним! Ваше поучение понял я так, что эти деньги следует бросить в воду. По счастливой случайности как раз перед храмом бьет источник..." - так он сказал и, развернув узелок с деньгами, швырнул то ли тридцать, то ли пятьдесят монет, даже не пересчитав их. Точно опали цветы ямабукиб, что росли у кромки воды...

Тут настоятель всполошился: "Какое безумство! Ведь если золотые ударятся о камни, которые поставлены здесь для красоты, камни же поломаются! Ишь как плюхнулись, звук такой, словно на что-то наскочили!" Он стоял на цыпочках, с раскрытым ртом и скреб в затылке, уставившись на дно пруда, словно в оцепенении.

Увидев это, Ситиро вдруг вскочил, взломал запертую дверь, за которой хранился меч, и, схватив его вместе с ножнами, со всех ног побежал прочь. Сказал только: "Искони этот меч был нашим сокровищем, теперь я вернул его!"

А настоятель с важным видом заявил: "Это великий злодей! Никого вокруг нет... сюда пробрался опытный грабитель, не надо его догонять. "Ловить, хватать и бить" нам Будда не велел".

Так он говорил, с улыбкой глядя на дно пруда.

Глава 2

КАЭ

Поскольку и Ситиро, и Хати́ро обучали желающих владеть мечом так искусно, чтобы всегда они выходили победителями, из

дальних и ближних мест шли к ним люди и величали каждого из братьев "наш наставник". У Ситиро характер был суровый, и, хотя повсюду он прославился как несравненный мастер фехтования, большинство учеников стремилось заниматься только с Хатирос, их привлекал его мягкий нрав. При этом Ситиро был совсем не знакомо чувство зависти, с Хатирос они были дружны, словно рыба с водой, поддерживали друг друга, в нужде друг другу помогали.

Так все и шло, но вот мать Ситиро, одна она у него оставалась из родителей, заболела какой-то необыкновенно тяжелой болезнью. Дети прислуживали ей "у изголовья и в ногах" - так старались выходить мать, но день ото дня больная казалась все безнадежнее. На лекарства и рис обменяли и вещи братьев, и даже нижнее кимоно сестры, которые, поскольку пришла пора^б были уже заготовлены. С весны по осень Ситиро не занимался с учениками и неотлучно был возле матери. Люди поговаривали, что как раз с этой болезни матушки и начались странные события, вызванные возвращением меча.

У матери Ситиро нрав был такой, что она держалась со всей церемонностью и обычно редко сходилась с людьми, поэтому теперь даже такие как она сама старые женщины ее не навещали. Прежде та, что была женой Хатирос, от всего сердца заботилась о матушке, и теперь Хатирос днем и ночью расхаживал взад и вперед и с прискорбием говорил: "Если бы жена была жива!"

Поскольку у Хатирос с самого начала было много последователей, к нему постепенно стали стекаться кое-какие богатства, и он мог купить целебный корень из страны Каракуни⁷ или печень "божества, что зовут тигром", а также жемчуг и прочие редкостные лекарства. Заботился он о матери Ситиро, словно о своей родной, и Ситиро с братом и сестрой, проливая слезы, низко ему кланялись: "Когда сможем мы отплатить за такие благодеяния?"

Так мать проболела до зимы, но в конце концов все же поправилась. Чудесное ее выздоровление очень всех обрадовало.

Ситиро с братом и сестрой, и Хатирос с сыном чувствовали себя так, будто той зимой в саду расцвела старая вишня.

Всего дней, пока они выхаживали больную матушку, прошло двести, да еще двадцать, и Хатирос, зная, что семье Ситиро тяжело приходится, посылал к ним юного Усуми и даже велел оставаться там на ночь.

Усуми был свеж лицом, любил все изящное, а в сложении стихов, в стиле письма никто не мог его превзойти, шел же ему после двадцати первый год. Младшей сестре Ситиро после десяти лет миновало еще восемь, она тоже блистала красотой лица, мать с детства наставляла ее на путь изящного, и девушка отличалась несравненной утонченностью, а в искусстве игры на кото она не уступила бы даже дочери Тосикагэ⁸.

Пока все так продолжалось, бывало, что эти двое, уллучив время, когда засыпали братья и крепко спала мать, тайком делились мыслями, пальцем выводя иероглифы. Мать смутно обо всем догадывалась, но считала такие отношения хорошими.

Пошли дожди, и все меньше зеленых листьев оставалось на кленах в саду, окружавшая усадьбу плетеная ограда тут и там покосилась, глазу не на чем было отдохнуть в этом запущенном доме; но рядом - гора Огура, вдали - вершины Такао и Отаги⁹, и с порывами сильного ветра сквозь просветы в белесом тумане становилась видна яркая зелень сосен и дубов среди багрянца и золота кленовой листвы.

- Поглядите-ка! - с этими словами мать однажды чуть отодвинула седзи¹⁰ и перебралась на ковер, который расстелила Каэ.

- Усуми, присядь рядом. И ты, Каэ, иди ко мне, послушай старую историю, которую расскажет мать:

В давние времена, когда верховный владыка, ведавший Поднебесной во дворце Оцу¹¹, обратился к Фудзивара Каматари¹² с высочайшим вопросом: что лучше - аромат множества цветов в весенних горах или краски тысячи листьев среди осенних гор, находившаяся рядом принцесса Нукада¹³ ответила, сложив песню.

В этой песне говорилось, что весенние цветы очень хороши, но их не нарвать в густой траве. А вот осенние листья - нарвешь и любишься ими, зеленые же, вздохнув, оставишь, так что осень милее и краше.

Это прославленные стихи, но старые люди смотрят по-своему; по мне - и весенняя вишня легко облетает, и осенний клен легко теряет листву. Что же истинно? Людям не дано иметь постоянный облик. Взгляните на заросли кленов там, в горах - употребив сравнение, можно сказать, что они являют нам краткий миг расцвета: на лице пудра и румяна, на плечах желтые и лиловые наряды. Человек, которого восхищает и влечет такая красота, не обретет истинной любви. Я, старуха, думаю, что среди толпы алых кленов лишь сосны и дубы воплощают мужчин и женщин, обладающих истинной душой.

"Сосны и дубы даже под снегом не меняют цвета", - такие слова есть, кажется, и в китайских книгах¹⁴. Об этом говорил старик, муж мой, когда родилась дочь. Он спросил меня, как назовем девочку - Мацу (сосна) или Каэ (дуб). Старуха, которая теперь перед вами, тогда ответила так: "Хоть и говорят, что сосна живет тысячу лет, не раз случалось мне видеть, как она, уступив снегу и буре, падает сломленная. А вот дерево, которое зовется "каэ", неподвластно снегам и морозам, и хоть не воспели дуб в стихах за то, что живет он тысячу лет, он очень крепко - так я думаю, и ребенка этого нужно назвать Каэ".

Усуми еще совсем молод, молода и дочь моя, и что бы ни случилось с вами в будущем, не увлекайтесь яркими красками цветов или осенней листвы. Лишь то сердце, которого не изменят снега и морозы, есть сердце достойного человека - вот о чем я, старая, вела речь. Подумайте об этом.

Так она сказала, а двое молча выслушали и ничего не ответили.

Глава 3

МЕЧ

Жил князь, у которого были владения в западных провинциях. Этот правитель в душе питал глубокую приверженность к пути воина. И вот поэтому людей, прославившихся в стрельбе из лука, верховой езде, владении мечом и копьем, он приглашал к себе на службу и щедро платил рисом. Прослышав о Ситиро и Хатирос, он послал приближенного самурая с приказанием: "Пусть эти двое скрестят мечи, попробуем испытать их. Того, кто победит, я сделаю членом своего клана, неважно, который из них это будет". Дело было таково, что о нем следовало известить заранее, и все ученики, как узнали, закричали про своих наставников:

- Бог-охранитель рода пошлет ему удачу!.. Этот победит!.. Тот не одолеет!..

Однако среди людей шла такая молва: "Конечно, Ситиро победит, сомнений быть не может!"

Когда был назначен день поединка, Хатирос тайком пришел к Ситиро и повел такой разговор:

- Хоть и говорят, будто нынешние события - честь для семьи, но ведь уподобить их можно тому, как если бы рука сразилась с такой же рукой, сила померялась с такой же точной силой - пусть даже будут победитель и побежденный, какая между ними разница? Обоим будет тяжело, вот и все. Потому я хочу, чтобы ты выслушал мою просьбу. Умением ты изрядно меня превзошел, и я непременно потерплю поражение. Тогда покинут меня те, кто нынче со мной, ни одного не останется ученика. А если так случится, я буду нуждаться даже в пище. Жил бы я один, тогда пускай "в котле для риса повисла бы паутина", я бы радовался снегу и "под холщовым одеялом" и должен был бы гордиться, что "не найдется никого на свете мне равного", но у меня не хватит сил

глядеть на единственного сына "всего в слезах от горя"¹⁵, с недавних пор это не дает мне покоя. Если ты как об единоутробном младшем брате подумаешь об Усуми, когда для меня настанут лихие времена, если присватаешь ему дочь почтенного человека и поскорее дашь мне взглянуть на лица внуков, то что тогда сможет затмить блеск твоего величия? Хотелось бы, чтобы эти слова непременно оставили след в твоём сердце.

Выслушав, Ситиро кивнул головой:

- Но ведь это я должен так говорить. Вокруг тебя собралось очень много учеников, и ты без устали с ними занимаешься - скрестить мечи с таким, как я, для тебя легче, чем острым серпом срезать под корень густую траву. Как ты знаешь, с весны я ухаживал за больной матерью, на душе у меня темно, силы растрочены, даже кости стали мягкими, даже мышцы стали вялыми, теперь я и подавно буду бит. И уж тогда совсем не будет мне житья на свете: "хоть говорят, что солнце и луна сияют ярко", едва ли будут они светить мне¹⁶. А ведь у меня есть мать и младшие. если не будем им света от твоего блистательного величия, кто возьмет их под свое крыло? Воистину, хотелось бы, чтобы это запало тебе в сердце, - так он искренне сказал.

- Нет, это я должен просить тебя!

- Я, право, смущен. Ведь это я хотел, чтобы меня выслушали, - так они друг другу верно поклялись и расстались.

На широкой равнине у реки Оигава¹⁷ раскинули шатер, и такие люди, как приближенный князя, прибывший из западных провинций, и чиновник, разбирающий споры, самолично стояли в толпе за оградой и прогоняли тех, кто хотел пробраться без разрешения. От горожан не укрылось такое событие, даже торговцы, которые ничего в этих делах не смыслят, собрались точно к назначенному часу, поднялись на пригорки, возвышающиеся над равниной, на вершины, поднимающиеся среди холмов, влезли даже не деревья, чтобы увидеть разницу в мастерстве скрестивших мечи.

Хатирос даже холщовую накидку катагину и штаны хакама¹⁸ сшил и сшил, не скупясь на расходы, да и человек он был видный,

вышел, держась с достоинством, опустился на походное сидение в западной части площадки, выпростал ноги по колени и стал ждать.

Ситиро же, мало того, что был беден, так из-за болезни матери и последнего лишился, на нем надета была совсем грубая холщовая катагину, а к ней хакама с обтрепанным низом, свисавшим подобно морской траве, да и остальной его наряд из ткани с волокнами бумажного дерева был рваный-прерванный. Он появился с восточной стороны¹⁹.

- Да это сам бог нужды вселился в человека! От такого солоно придется! - засмеялись, увидев его, люди.

Однако, похоже, что глаза этого высокорослого мужчины были зорче, чем у бога Окумэ²⁰, нос казался разве что чуть меньше, чем у божества Саруда²¹. Поистине, это был мужественный воин, и приближенный князя подумал: "Они еще не скрестили мечи, а уже ясно, что победит Ситиро".

Ну, а мечи - мечи были большие, деревянные, из древесины сиракаси²². Каждый вышел со своим привычным оружием, но когда они, разом выкрикнув "я-а!", сошлись, и Ситиро хотел отразить удар меча Хатири, меч его сломался на кусочки, осталась только рукоять. Так Хатири стал победителем, и не пришлось ему солоно. Обратившись к Ситиро, он сказал:

- Победить из-за того, что твой меч так легко сломался, не значит одержать честную победу. Смени оружие и выходи еще раз!

Ситиро отвечал ему так:

- Это несправедливо. И победа, и поражение лишь у небесных богов во власти. И даже настоящий клинок, если суждено ему сломаться - ломается. Хоть и не мне судить о явленной сегодня разнице в мастерстве, я думаю, что твоя победа не вызывает сомнений. Не к лицу мне долго оставаться на этой площадке, - с такими словами он собрал обломки меча и быстро удалился.

- Поединок из тех, где не на что смотреть, - говорили пришедшие и с недовольным видом разбредались.

Если послушать, о чем судачили потом люди, то получается, будто меч у Ситиро был сделан из акадза²³. Ну, а Хатири получил

документ с печатью, удостоверяющий, что он принят на службу и жалован щедрым рисовым пайком.

Говорят, там было еще такое повеление: "В месяце удзуки²⁴ будущего года князь отправится в восточные земли, тебе надлежит его сопровождать. Пока можешь оставаться здесь, наставляй учеников и печалиться о предстоящей разлуке".

Часть II

Глава 4

ЧУДЕСА

Родные ждали, когда же вернется Ситиро, а чтобы его победа над Хати́ро была легкой и чтобы он удостоился похвалы князя, пожертвовали богам священный сосуд с вином, да и рыбы припасли и всякой другой снеди. Но им все же сказали, что Ситиро, не обменявшись с противником и двумя ударами, потихоньку удалился. Они узнали об этом у людей, и было им грустно, досадно, ббязно, так что мысли путались, даже на богов они возроптали. Оставалась лишь пустая надежда на то, что слова людей окажутся наветом. Каэ с братом были посланы ждать возвращения Ситиро у ворот, там он и застал их, когда пришел.

- Ну, что было сегодня? Скорее расскажи нам все, от начала до конца! - так выпытывали они у него, задыхаясь от волнения, и Ситиро ответил им:

- Напади на меня такие, как Хати́ро, сразу и спереди, и сзади, я разогнал бы их одним ударом меча; но тут от одного лишь удара меч сломался на три части, я с легкостью был побежден - видно это

небесное знамение! А если так - я бессилен, вот и ушел, выбросив из головы дурные мысли.

- Так значит слова людей не были лживыми! Приходится думать, что случившееся - это расплата за то, что мы вернули меч. Многих богатств мы лишились, познали нужду - неужели это было неизбежно? Что, если теперь же пойти в храм и вновь отдать меч туда?

- Хотя и говорите это вы, матушка, слова такие свидетельствуют о малодушии. Если Ситиро, который уже и так опозорен, сделает по-вашему, на него падет еще больший груз людского презрения. Я ведь ко-что держу про себя, так что не печальтесь!

С этими словами он налил в большую чашу сакэ и с легким сердцем стал пить чарку за чаркой. Ну, а матушку не проведешь, она поняла - у сына есть что-то на уме, и, прогнав тревогу с души, тоже налила сакэ и развеселилась. Тут-то и случились странные вещи.

Стоявший рядом кувшин сам собой заплясал, запрыгал и пристал к потолочной балке. "Как же так?" - удивились мать и дети: ведь было еще светло, а лисицы уже подняли возню. Испуганная Каэ тесно прижалась к матери, Содзи взял палку и стал тыкать в кувшин, чтобы сбросить его вниз - а тот словно был приклеен лаком уруси²⁵, как его не пытались поддеть, ни в какую не отставал. Когда по нему стучали палкой, кувшин громко кричал голосом лисицы. Вот ведь противный! И что это еще за чудеса! Все пустились в рассуждения, только Ситиро просто наблюдал и ничуть не удивлялся. Матушка, вне себя от удивления, затянула:

- Вот в кувшине, мой дружок, вскипяти-ка кипятком... И лису мы обварим кипятком.

- Аасия-косия! - с издевкой расхохотался кувшин в ответ на стихи и, смеясь, свалился вниз. И тут же весь дом загремел: плетеный из бамбука пол заходил ходуном, и, хоть время было тихое - день на дворе, - глиняная жаровня, железная миска с черпаком и другая посуда, сама заплясала, застучала друг о друга, а

развешанные на шесте застиранные и перешитые кимоно, рабочие штаны с завязками, побежали по воздуху словно живые.

Ну, а к вечеру собрались и вовсе диковинные твари, шуму стало еще больше, и конца этому не было. Ситиро и матушка говорили:

- Дело обычное, просто барсуки или другие какие твари решили пошутить да позабавиться. С давних пор такое случается в бедных домах - посылают они своих лицедеев нам в утешение. Ну разве не хороша потеха? Ни у кого не вышло бы так лихо, так ловко. Вон, поглядите-ка, какой там стоит - с тремя глазами! А смотрите на эту - шея будто нитка, идет - обо все обматывается-обвивается. Так и есть, лицедеи!

Чего только они не выделывали! И все словно бы по порядку, своим чередом - даже Содзи, захваченный тем, что происходит, успокоился и перестал бояться.

Издавна повелось, что людям про такое не рассказывают, и они продолжали жить по-прежнему. Дни шли. Однажды вечером Ситиро отправился в западную часть столицы. Был шестой день после двадцатого числа, как раз выпал глубокий снег, так что луна по-особенному сияла. Возвращаясь уже поздно ночью, он перебрался через реку Кацурагава и вдруг на вершине сосны с поникшими ветвями, что растет у дороги, ведущей к дому, увидел семиглавого могучего быка. В носу у быка была продета веревочная узда, оседлан был он седлом сидзукура²⁶, и сидел на нем воин, одетый в сплетенные из белых шнуров доспехи, с белым знаменем за спиной. Глянул Ситиро на знамя - а там плавает в потоке воды опавший цветок хризантемы²⁷, лазурные тона ярки при свете луны.

- Да, - подумал про себя Ситиро, - пляски обычных чертей не такая уж редкость... Вот это, действительно, мерзкий субъект. Но как бы то ни было, не пристало нечисти цеплять на себя знамя клана Масасигэ!

- Назови свое имя! Я должен услышать его сам, здесь же! - с этими словами он высоко подвернул хакама и подвязал их поясом,

топнул ногой по твердой земле, засучив рукава, перевернул ножны концом вверх, сжал большую рукоять меча. - Итак, я слушаю! - призывал он громким голосом.

Призрак раскатисто захохотал на разные голоса:

- Ты потомок Омори Хикосити? Ну, а я - Кусуноки Масасигэ, у которого твой пращур отнял меч. Ненависть охватила меня, когда твой пращур Хикосити, как ни в чем не бывало нацепил на себя этот меч и стал его носить. Один за другим мои соратники строили козни, чтобы отнять меч; они изводили Хикосити, но отступали перед силой надлежащих заклинаний и не могли вернуть оружие. Так прошло много дней и много лун. И вот странные знамения и чудеса одолели вас - за семь поколений до тебя меч поместили на горе, где я живу²⁸. Но вот ты снова пришел, принес золото, и растаяло сердце того, который на горе всем заправляет - ты сумел снова вернуть меч, и душа моя не знает успокоения. Это я сделал так, чтобы твоя мать тяжело страдала, и знамения, явленные тебе после этого, посылал не кто иной, как я. Если ты сейчас, тут же, вернешь мне меч обратно, к тебе отныне придет удача - ведь для меня это все равно, что ладонь перевернуть. Если ты и теперь не согласен, возмездие падет на твоих близких, один из них погибнет, пронзенный этим мечом. Смири свое сердце, сдержи отвагу, послушай меня!

В ответ Ситиро рассмеялся:

- Противник у меня, оказывается, высокородный! Пращур мой одержал победу в битве возле реки Минатогава и ему досталась твоя голова. Он тогда подумал, что если валявшийся в стороне меч там и оставить, его подберут вместе со всяким обычным оружием, запросто прицепят и будут носить, а это досадно. Вот почему он вернулся домой с этим мечом и сделал его достоянием семьи. И разве не означает почтения к тебе, кого называют первым ратником Поднебесной, то, что потомки Омори Хикосити и поныне ценят и почитают меч? А ты, душою оставшись привязанным к своему оружию, снова явился в мир в виде призрака - это ведь низко и недостойно! Зарубить мечом такого черта, как ты - все равно, что

испачкать клинок нечистотами. Да я просто плюну тебе в лицо и прогоню тебя! - так он громко корил и грозно бранил его.

- Нет, не так надлежит поступать воину. Я молчу о том, что у мертвого моего тела нет головы - на войне случается. Но ведь люди, наверное, говорили, что меч висел у ратника на поясе, а не валялся в стороне²⁹ - вот что до костей пронизало меня стыдом, вот почему я разгневался, а гнев этот воплотился в духе зла, и только поэтому я нынче вновь явился в мир людей призраком. Неужели даже после всего, что я тебе рассказал ты не вернешь меч?

- Нет, не верну, хоть я тебя и выслушал.

- Верни!

- Нет, не верну!

Они говорили все громче, наконец, послышались воинственные выкрики, и тут - "Уж не рассвет ли? - Наверное, так"³⁰, - раздались голоса речных куликов, и, хотя луна была еще яркой, бледной предрассветное небо заалело. Глянул Ситиро - а на сосне просто белые цапли устроили себе ночлег. И все-таки то, что произошло ночью, было удивительно, только теперь Ситиро осознал случившееся, он отправился домой, содрогаясь от ужаса.

Глава 5

КОТО

С тех пор, как Хатирос одержал победу в поединке, имя его прославилось на все четыре стороны света, и уважение к нему росло с каждым днем. Сам же Хатирос оттого, что ему нежданно выпало счастье, собрав людей, веселился день и ночь, а всего дней - семь, и ночей всех - семь, от голосов празднующих "шум стоял на все селенье". Сегодня он пригласил Ситиро с матерью и младшими быть почетными гостями, однако, у Ситиро и у матушки не лежала

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

к этому душа, и они отговорились, что, мол, "ветром надуло головную боль", отправили только Каэ и Содзи. Хатирос на все лады их угощал, а когда уже настала ночь, попросил Каэ сыграть на кото. В ответ Каэ сказала:

- Как изволите знать, госпожа наша матушка была больна, с весны я ее выхаживала, за кото не бралась, разве что пыль смахивала. К тому же, неприятности следовали нынче одна за другой, я забыла даже то небольшое, что знала. Хоть и против воли, да нужно сыграть, раз вы просите, только вот сумею ли я теперь и за струны-то взяться?

- Такие слова годятся для чужих людей. К чему застенчивость здесь, среди нас? Сыграйте для забавы, одной рукой! - это сидящий в стороне Усуми, тот самый юноша, подбодрил Каэ, и она, уступив его просьбам, со словами: "Право, это очень слабо...", - заиграла так, что, пожалуй, "и павианы спустились с горных вершин"³¹, чтобы послушать. Голосом, подобным голосу той птицы, что живет в стране Будды³², она пропела:

Когда это будет,
И день тот настанет,
Чтоб стали моим изголовьем колени
Того человека, что любит и знает
Звук песни?³³

Повторяя эти слова, она не сводила полуприкрытых глаз с лица Усуми. Усуми, любитель песен имае³⁴, обладал приятным голосом. Постукивая веером, он незамедлительно пропел в ответ:

Пусть ты всего лишь
Безгласное дерево,
Стать должно ты отныне
Излюбленным кото -
И всегда находиться возле милого друга!

Собравшиеся гости были неотесанные деревенщины, которые ничего подобного и во сне не видели. Потягивая чарку за чаркой, они хвалили лишь хорошие голоса. Был среди них один, который любил "уронить слезу спьяну", он плаксивым голосом завел:

До чего противны мне
Те, кто корчат мудрецов
И вина совсем не пьют;
Хорошо на них взгляни -
Обезьянам, впрямь, сродни!³⁵

Когда он это пропел, человек, сидевший рядом, который не пил вина, а только отправлял в рот рыбу, сказал:

- Раз он спел такую нелепую песню, я тоже спою и станцюю.

До чего противны мне
Те, что красны от вина,
Человечьи лица их
Мордам обезьян сродни.
Обезьяны! Обезьяны!
А какие обезьяны?
Обезьяны с гор Араси,
Ураганных гор.
Морды этим обезьянам
Обдувают ураганы,
Оттого-то оттого
Морды их красны.
Если рвут они каштаны,
Из ущелья ветер дует.
Если желуди собирают,
Их мисканта сучья колют.
Оттого у обезьян тех
Красные зады.
Обезьяны! Обезьяны!

Обезьяны красные!³⁶

Когда он кончил плясать, первый гость расплакался:

- Он сказал, что у меня - старика лицо как у обезьяны... Вот досада, вот обида... Как мне теперь быть?

Они пировали и веселились так, что скоро все свалились пьяные и даже не притворили дверей, которые положено закрывать, поэтому налетевший ветер задул огонь светильников. Мужчины и женщины, которые прислуживали, тоже уснули, так как выбились из сил, проведя эти дни и ночи в хлопотах. Только двое чувствовали себя так, будто встретились в долине небесной реки³⁷, ведь были они все это время в горестной сердце разлуке. Они поклялись богам вечной клятвой, открыли друг другу сердца, и, укрывшись одеждой, что сняли с себя, изголовьем сделали кото.

Глава 6

ПИСЬМА

После того между Ситиро и Хатиро наступило какое-то охлаждение. Молодые поэтому тоже друг у друга не бывали, как прежде. Лишь кисть для письма, если случалась оказия, доставляла им утешение вместо встречи. Вот и "день особый"³⁸ настал, а они в гости один к другому не ходили, вина вместе не пили, только предавались своей тоске. теперь казалось им, что тот рассветный час на изголовье из кото можно было назвать словами песни: "грустный миг, когда каждый в свое облачается платье"³⁹.

Воспользовавшись случаем, на маленьком бумажном кошельке Каэ написала такие слова:

"Весна опять пришла, но теплые лучи не растопили моих "замерзших слез"⁴⁰, я с завистью гляжу на беспечного соловья,

который поет в ветвях сливы. "Напрасно давали мы клятву"⁴¹, ведь было уже известно, что мандаринской уточке и селезню⁴² в тростниковых зарослях суждено жить разлученными, а нам "казалось, что вечно будут длиться"⁴³ те дни минувшего года, когда с весны до осени мы жили под одной крышей. Завтра с госпожой моей матушкой вместе я собираюсь пойти на поклонение богам Мацуноо⁴⁴. Не соизволите ли и вы прийти, как бы невзначай? Пусть это будет "тайком от глаз людских".

Люблю тебя
И нынче целый день
Богам Мацуноо
Молитвы возношу,
Чтоб встретиться нам завтра⁴⁵.

И еще:

В мире этом
Удел наш - страданья.
Не вынести мне их,
Я от любви
Видно, должна умереть⁴⁶.

Получив это, Усуми очень обрадовался. Поглядел направо, поглядел налево - никого рядом не было, тогда он тут же написал ответ и отправил с девочкой-служанкой.

"Хоть говорили все: "Пришла весна!" - но соловей молчал, и потому - "Ее все нет", - так думал я⁴⁷, и тут прозвучала несравненная первая трель. Что ж, значит следует ждать и "не срывать цветка, на котором поет соловей". Как вы изволили написать, мы теперь разлучены, не то, что в минувшем году. "И все же...", ужель смириться? Вот узнал я, что завтра утром, если пойду в

храм, то через завесу тумана, словно во сне увижу любимую. Это благодеяние богов, я рад беспредельно и спешу отозваться.

Утренний туман,
Не вставай! Ведь скроешь ты
Ту дорогу, по которой
Через рощу Мацуноо
Милая придет⁴⁸.

И еще:

Коль, от любви страдая,
Душа покинет тело,
Пустой скорлупке,
Мертвой оболочке
Что остается?
(Останется лишь имя)⁴⁹.

Я стал теперь как покинутая скорлупа цикады и живу "не различая дня и ночи".

Так он написал и отправил.

Когда настал восьмой день первой луны, Усуми, сославшись на традиционное посещение храма, с утра ушел. Ну, а Каэ мать сказала: "Не пойдем, пожалуй, сегодня, я нездорова". Сердце девушки разрывалось, когда она думала о том, что любимый уже ушел в храм, Каэ места себе не находила и всей душой молилась:

"На земле и на небе обитающие боги! Пусть когда-нибудь вы сделаете мою жизнь короче, но сегодня ниспошлите исцеление матушкиной болезни!"

Видимо, даже боги сжалились, и после полудня больной стало лучше.

- День погожий, пойдем на поклонение сейчас! - сказала она.

Девушка очень обрадовалась, но ведь время не стояло на месте, и ей опять стало тревожно: "Он, наверное, уже возвратился", - с такими мыслями вышла Каэ из дома.

Когда пришли в Мацуноо, Каэ не молилась, другая забота жгла ее сердце: "Где же он? Может, тут? Может, там? - везде посмотрела Каэ, но юноши нигде не было. Тут ей стало так горько, так досадно, что слезы разом хлынули из глаз.

С укором глядела на нее мать:

- Что за душевная слабость? Хоть и не пристало говорить об этом здесь, но ведь связи между людьми подвластны лишь богам, бывает, что связи рвутся, когда уже завязались. А бывает, что и после разрыва снова завязываются. И потому ничего не остается иного, как только смириться с тем, что и радость, и печаль, и сама жизнь наша в этом мире подчинены извечному порядку. Вот говорю я так, а ведь сама не старухой родилась - неужто не постичь, не понять мне молодых сердец? Так не отчаивайся же, что-нибудь придумаем, и все уладится, как ты мечтаешь. Я вот и теперь, придя на поклонение, только об этом молюсь, и ни о чем ином. Поскольку в слабости человека одолевают болезни и прочие напасти, возьми себя в руки и подожди, пока старая твоя мать устроит, чтобы вы были вместе. Пойдем, нам надо возвращаться!

Слушала это Каэ и думала: "Как она добра ко мне!"

Когда возвращались, на сосне у дороги увидели мать и дочь стихотворение. Посмотрели - а это катаута: написана кистью усуми:

Ждал я иль нет

У сосны "Ожидание"

Спроси, под деревом стоя⁵⁰.

Как прочла это Каэ, опять загрустила и заплакала.

Глава 7

РАЗЛУКА

Давно уже говорили, что князь должен отправиться в Адзума в месяце удзуки, не неожиданно оказалось, что уже в конце месяца кисараги или в начале месяца яеи⁵¹ он прибывает из западных земель, так что Хатирос, который должен был выступить вместе с ним, получил приказ, не мешкая, укрепиться душой и приготовиться. Отвага переполняла сердце Хатирос, а его сын Усуми тайком от людей загрустил. Он велел передать Каэ: "Так и так, вот какие надвигаются события. Что будем делать?" Но поделаться было нечего... "Раз так, может быть, выскользнуть из дома и скрыться в ночи? Кончить жизнь нищими... Или кануть, сгинуть в реке... Сделаем так! Ни о чем ином я не прошу, если только сердце ваше не переменилось", - ответила она, а он уже принял в точности такое решение.

Мать подозревала, что неспроста ей снятся странные сны, особенно в последнее время, да и дочь все худеет, вид у нее задумчивый. Поэтому, когда братьев не было дома, она подозвала дочь поближе и заговорила так:

- Отчего ты с недавних пор ничего не ешь, ходишь неприбранная, растрепана, исхудала, осунулась? Тот, кто держит в своем сердце неотступные думы, близок к беде. Доходит до того, что некоторые идут против воли братьев, причиняют горе родителям - ты прочла много подобных историй и должна бы это понимать. Если вдуматься, что есть над человеком превыше смерти? И, что бы ни случилось, родственники, братья едва ли пожелают тебе плохого. Не скрывай того, что у тебя на сердце, скажи своим родным.

Оттого, что с ней так сердечно обошлись, Каэ, закрыв лицо рукавами, бросилась ничком и расплакалась в голос. А мать, не услышав ответа, еще больше забеспокоилась:

- Отчего не хочешь сказать? Что бы это ни было, как можно таиться от родных? Я не знаю про чужие страны, в нашей же великой стране Ямато⁵² число людей, умножаемое милостью богов, таково, что если сравнить, не уступит даже песку на побережье. И у всех есть родители, дети, братья-сестры старшие и братья-сестры младшие. В разных местах, в разных домах живут они, каждый своим мирком. Среди такого множества людей разве не одна у меня-старухи дочь - ты? Да и у тебя из родителей осталась только я - старуха. Но даже такое небогатое родство не может в этом мире длиться тысячу лет. Ведь и Будда учил, что узы между родителями и детьми - лишь на один век⁵³. В брэнном этом мире случается, что молодые тают, как роса на листьях трав кладбища Адасия⁵⁴, а старые, подобно соснам в Суминоэ и Такасаго⁵⁵, остаются жить в благоденствии, и нынче, глядя на тебя, я, вся в тревоге, с утра до вечера молю пресвятого Будду не медлить ни дня и поскорее взять старуху в свою блаженную страну. Наверное, я так слаба духом оттого, что погружаюсь мыслями в скорби мира, - так говорила она в слезах - видно и над ней тяготело возмездие.

Каэ подумала, что, связанная любовью, она измучила родительское сердце, и от этой мысли у нее перехватило дыхание, ни слова не могла она вымолвить. Тут-то и вернулся домой старший брат Ситиро.

- Что с вами? И мать, и дочь обливаются слезами... Выслушайте-ка теперь то, что скажет Ситиро. Да и Хитиро хорошо знает о них, но нарочно прикидывается, будто ничего не ведает - теперь он в чести и привык кичиться этим. Он забыл даже о пути воина, и хоть есть ему, за что благодарить меня, он и это отринул, и этим пренебрег. А то, что он готов как можно скорее покинуть эти места, мое честное сердце давно уже мне подсказало. Хоть и досадно мне будет этого пса Хатиро почитать родственником сестрицы Каэ, но ведь препятствовать помыслам молодых - это значит не иметь чувства и сердца, поэтому я через свата передал ему - так, мол, и так. Подождем ответа, ну а потом придется мне

самому решать. Каэ ведь тоже из самурайской семьи, она не какая-нибудь распутница, что завязывает с мужчинами, а потом с легкостью об этом забывает. Старшему брату за нее стыдиться нечего. Вытри слезы, Каэ, причешись и будь нашей матушке послушной дочерью, - так он сказал.

Ну, а Хати́ро выслушал свата и нарочно сделал вид, будто удивлен:

- Вот уж и в мыслях не было такое услышать! Конечно, мы с Ситиро не чужие, его мать я считаю и своей родительницей, а они моего сына считают внуком и младшим братом, так продолжалось до сих пор. Но как известно, в последнем месяце прошлого года я победил Ситиро в поединке на мечах и стал членом могущественного клана, дом мой богатеет и процветает. А он, хоть и самурай, да не имеет ни господина, который был бы ему опорой, ни надела, чтобы назвать своим хоть одно рисовое зернышко. Поэтому он - все равно что "горны отшельник, по равнинам скиталец"⁵⁶, и сделать его сестру невестой нашего сына - то же, что сравнивать тяжесть скалы, которую "сдвинет с места лишь тысяча человек", с тяжестью тыквы-горлянки. Пускай даже небо и земля перевернутся, едва ли я на это соглашусь. Возвращайся и передай это Ситиро, - так он высказался.

А сват тоже был не так прост:

- Речи ваши заносчивы. Но разве без причины навязывают такое предложение? Вы, наверное, не знаете, что сын ваш господин Усуми и сестра Ситиро госпожа Каэ еще с прошлого года тайком помолвлены, они поклялись богам и записали на бумаге, что не нарушат эту клятву. Прежде всего позовите сюда вашего сына и расспросите, что у него на сердце.

Хати́ро молчать не стал, он позвал Усуми и принялся брать его:

- Ты давал слово младшей сестре Ситиро? Если не ответишь откровенно, опозоришь отца!

- Да, все ни на волос не расходится с правдой... Батюшка милостив, пусть он сделает эту девушку моей женой! - упрашивал Усуми.

Хати́ро был разгневан:

- Что ты наделал, негодный! Не будь ты моим единственным детищем, покарал бы тебя смертной карой! Немедленно пиши письмо о разрыве и отправляй им. А не захочешь - отец отошлет тебя в дальнюю провинцию. Ну как? Расстанешься с отцом или откажешься от жены? Отвечай прямо.

С почтением повинуюсь отцовским словам, Усуми, хоть сердце его было полно любви, в слезах свернул бумагу с клятвенным обещанием и тут же, при отце, написал письмо о том, что нужно навек расставаться. В письме было сказано:

Как подумаю о том,
Что распускается
Даже нижний шнур,
Что в три сложенья свит...
Мы-то ведь с тобой не связаны и вовсе⁵⁷.

Не произнеся даже приличных случаю слов, сват засунул все это за пазуху и ушел.

Часть III

Глава 8

РОСА

Сват спрятал документ за пазуху и, представ перед семьей Ситиро, доложил:

- Намерения ваши я передал намеками, но мне отказали наотрез. Ну, а поскольку недостойные люди уже распустили слухи, я рассказал также и о том, что молодые господин и госпожа тайком

дали друг другу слово. Тогда Хати́ро позвал своего сына и насильно заставил написать и отправить вот это, да еще вложив туда письменную клятву. Тут уж я, не говоря ни слова, ушел.

От таких вестей и мать, и Ситиро изменились в лице, а в соседней комнате Каэ, услышав, вскрикнула, упала ничком и разрыдалась. Ситиро позвал сестру:

- Выслушай меня! В такой час мысли приходят в смятение - так не навлеки же на свое имя презрение и жалость потомков. Собери все силы души своей и не посрами родителей и братьев. Сам я тоже все уже обдумал и принял решение.

Сердце Ситиро разрывалось при виде матери, которая проронила такие слова:

- Когда завязывается или рвется связь с мужчиной, ничего не поделаешь - так уж повелось, но мне невыносимо, что гордец-Хати́ро смотрит на нас свысока.

- Я еще более матушки терзаюсь такими думами. Есть у меня замысел. Когда настанет время, не пугайтесь, что бы ни случилось. Так или иначе, а свой замысел, чтобы избежать позора, я исполню, - сказал это, Ситиро вышел.

Ничего не объясняя, он вымел и вычистил место, где принимают ванну, потом достал заготовленные, как видно, специально скроенные и сшитые новые вещи, вплоть до халата - юкатабира. Сестре велел омыться, сделать высокую женскую прическу и надеть пятислойные одежды из белого шелка, а на голову - полотняный убор хирэ; брату Содзи приказал к ужину приготовить сакэ и прочее, самое лучшее.

Ситиро взял сестру за руку, усадил на почетное место, как уважаемую гостью, и обратился к матушке:

- Ведомо вам, что дом наш обеднел, даже унаследованные от предков вещи: глиняную посуду, фарфор, старинные книги и свитки мы вынуждены были отдать за рис и деньги, и всего лишились. Только одно китайское седло, две китайские циновки, четыре корейские жаровни и три чаши, инкрустированные драгоценностями, я до сих пор берег, помня, что этими вещами дорожил отец. Но когда задумал я для младшей сестры праздник,

какой случается лишь однажды в жизни, то, не сказал даже матушке, за тридцать золотых продал эти изделия и приготовил необходимую утварь и одежду, которую надевают в такой торжественный день. Итак, лишь только настанет час обезьяны⁵⁸, Каэ со мною вместе должна явиться в дом Хатиры, без его на то воли. Если он и тогда откажет, то я не думаю, чтобы вы еще раз увидели лицо этой девушки в земном мире.

Услышав это, Каэ поняла, сколько глубоко сочувствие брата, она упала перед ним на колени, и, подняв глаза, сквозь слезы смущенно прошептала: "Благодарю..." Еще она сказала:

- В душе я тоже искренне и твердо решила так поступить, вы не увидите, чтобы я держалась недостойно, - и вынула из-за пазухи стихи, как видно, только что сложенные и записанные:

Коль цвет меняют
Листья трав и слов,
То жизни яшмовая нить -
Что с нею будет?
Растает словно капелька росы⁵⁹.

Мать с болью поглядела на эти стихи и, сдерживая слезы, написала кистью, которая оказалась рядом:

Если в этом мире жить
Я останусь без тебя,
Кто опорой будет мне?
Тело бренное - роса,
На какую же траву упадет она?

- Хоть я и твержу одно и то же, как все старые люди, но горько мне, что мы не назвали дочь Мацу, как хотел муж.

Хоть пусть бы имя было тебе Мацу -
"Сосна" -
В ее тени тысячетней

Глядишь и немощная старость
Твоим бы счастьем счастлива была...

Так поддаваться унынию - тоже стариковская привычка. Вот я наговорила всякого, а ведь там будет Ситиро, и кажется мне - Хатирос не сможет остаться равнодушным, словно дерево или камень. Глядите бодрее, почему так печальны ваши глаза! Вот и гадатель, что приходил недавно, сказал, будто день сегодня особенно благоприятный. Время уходит, устраивайте скорее праздник! - с чувством проговорила мать.

Содзи, согласно ритуалу, подал всем праздничный ужин. Когда трижды поднес он сакэ, Ситиро заторопился, поскольку срок уже настал, посадил сестру в повозку, и они, наконец, отправились, свита была у каждого нанята своя. Мать вышла их проводить и некоторое время стояла возле ворот, смотрела вслед, а на пороге дома упала и разрыдалась. "В такой праздник слезы не к добру", - успокаивал ее Содзи и, подставив плечо, помог войти в дом.

Ситиро не знал, что, своевольно приказав сыну написать письмо о разрыве, Хатирос остерегался оставлять Усуми дома и отправил его в сопровождении двух слуг к двоюродному брату, который жил в Восточной столице.

При виде неожиданно появившегося на краю энгавы⁶⁰ Ситиро, одетого не как обычно, а в парадной одежде, Хатирос очень удивился:

- Что случилось? Не может быть, чтобы это приехали к нам. Ведь тут, похоже, свадьба! За кого же эта девица выходит замуж? Однако, быстро они все устроили.

Хатирос сказал это так, словно он тут ни при чем.

- Ошибаетесь. Пожаловала невеста вашего сына, я ее сопровождаю, - ответил ему Ситиро.

- Да об этом нечего и думать. Дошло ли письмо, что я недавно передал через свата? К тому же, Усуми сейчас здесь нет, я отослал его к двоюродному брату. Пусть даже вы об этом не знали, все равно, навязчивость в таких делах отвратительна. Сколько бы

вы ни приходили, здесь вас всегда ждет такой ответ, другого не будет.

На это Ситиро с достоинством промолвил:

- В словах ваших есть правда, но известно вам и то, что сын ваш и Каэ, которая приходится мне сестрой, уже дали клятву богам. Без всякой причины, приневоленный отцом, Усуми эту клятву вернул. Прежде, чем я услышу, в чем провинилась Каэ, я не соглашусь принять эту бумагу, - и, вытащив из рукава документ, бросил его Хатири.

Тот изменился в лице:

- Разве вы не знаете, что расстаться с женой, которая не по сердцу отцу-матери - в обычае у самураев?

- Хотя бы и так, но ведь она ни дня не жила в этом доме и вам не прислуживала. Откуда же вы знаете, что она вам не по сердцу? - ответил Ситиро, и Хатири нечего было возразить.

- И скажет же такое! Видно, ты совсем ничего не понимаешь. Быстрее уходи отсюда вместе с ней!

Тут Ситиро заговорил по-другому:

- Раз уж вы с такими доводами не согласны, я не буду больше убеждать вас. Как бы ни трудились мои уста и ваши уши, правды нам не найти. Но ведь существует наша твердая клятва, вы не могли ее забыть. Как вы думаете, почему вдруг сломался мой меч? Да что тут говорить!.. Ведь господин Усуми единственный ваш сын. И Каэ у меня единственная сестра. Может ли сердце живого человека не сострадать им? Пусть безрассудно это, но вы поймите все сердцем, в котором живет любовь. Раз уж Ситиро пал духом и ведет такие речи, живой Каэ домой не вернется, одно лишь ваше слово все решит. От того, что может случиться, и вам добра не будет. Загляните в свою душу поглубже и дайте ответ.

Но Хатири покачал головой:

- О чем это вы? У меня забот много, никакой клятвы не помню. Сколько ты ту ни говори, нам не сговориться.

Увидев, что он собирается подняться с места, и у Каэ тоже такое лицо, словно она думает: "Вот сейчас!..", - Ситиро громче громкого выкрикнул:

- Что ж, Хати́ро, раз ты здесь, смотри, как поступают самураи!

Раздался скрип, так крепко схватил он Каэ за ворот - приподнял, опрокинул навзничь и вонзил меч под вздымавшуюся грудь. Хати́ро оцепенел от ужаса.

- Я не думал, что до этого дойдет! - воскликнул он и хотел взяться за рукоять меча.

Ситиро гневно сверкнул очами:

- Твое сердце - сердце пса, и скорбь наполнит теперь глаза людей. Мне легко покарать тебя тут же, пока кровь не высохла на этом клинке, но в благодарность за то, что когда болела матушка, у тебя еще было человеческое сердце и ты помогал нам, я уйду, оставив тебе жизнь.

С этими словами он вонзил меч в тело Каэ еще два или три раза, и Каэ сразу умерла, словно отделилась от стебля зрелая дыня. Оставив ее лежать распростертой, Ситиро вышел со словами: "Расскажу властям все от начала до конца".

Надеясь, что Ситиро услышит его, Хати́ро обнял бездыханное тело Каэ, и, проливая слезы, молвил:

- Поистине, безвременная кончина. Наверное, все считают Хати́ро дьяволом, думают, что он зверь. Если душа твоя не покинула еще это мертвое тело, услышь то, что скажет сейчас Хати́ро, ибо даже одна десятая от услышанного развеет твою обиду. Про вас с Усуми я знал с самого начала. Отношения ваши всегда были такие, как и следует. Видя в этом удобный случай отблагодарить Ситиро, которому я был признателен, я хотел ввести тебя в дом и как родную почитать твою матушку. Так я думал, и когда к нам случайно забрел человек, который предсказывает, я заставил его погадать о тебе и Усуми. Хорошенько взвесив соотношение инь и ян, он сказал:

"Этот союз очень несчастливый. Если они соединятся, то обоим не жить. Даже если будут жить они врозь, кто-то один непременно лишится жизни. До этого я гадал для многих людей, но не встречал такого на удивление несчастливого союза!"

Услышав это, я испугался. Ведь все уже было решено, и, желая этого союза, я обратился к богам с молитвой об изменении судьбы влюбленных. После этого я спрашивал гадателей еще четыре раза, но всегда ответ был такой, как в первый раз. Ничего поделать было нельзя. Сердце мое изболелось: как разлучить вас? Днем и ночью думал я об этом, и поскольку не было меж вами ни трещинки, ни щелки, скрепя сердце, я решил, что, прежде всего, сам поведу себя так, чтобы порвать с твоим семейством. Это было бессердечно, но я человек, а люди пекутся о своих детях не меньше ночных журавлей⁶¹. У меня, словно у оленя, всего лишь одно дитя, и я ни на минуту не переставал со страхом думать о том, что на Усуми обрушится возмездие. Если бы я знал, что все так обернется! Если я знал, что предсказание указывало на твою судьбу! Я подумывал, не поделиться ли всем этим с вашей семьей, но ведь Ситиро не таков, чтобы верить колдунам. Он бы назвал меня глупцом, высмеял, и вот, оберегая свое достоинство, я вынужден был поступить вопреки голосу сердца. Никто не знал истинных обстоятельств дела, и в конце концов твоя матушка и брат порвали все отношения со мной. И все же, когда скандал утихнет, я устрою торжественную заупокойную службу. Поистине, горько, что ты считала меня бессердечным, - сказав так, он в голос разрыдался.

Тут послышался шум, пришли люди. Хатиро встретил их словно ничего не произошло, привел в порядок мертвое тело и ушел в комнату.

В доме как раз в этот день священник одного из храмов Западных гор читал сутры⁶² - такое устраивают каждый месяц. Только лишь начал он читать сутру "Ниоке", как это все началось. Священник слышал все от начала до конца, а когда у него на глазах Ситиро совершил убийство, силы оставили священника. Уронив сутру в очаг, босой бросился он из дома и дотемна бродил в окрестностях Западных гор. Когда же священник пришел в себя и вернулся в храм, полы и рукава его одежд были изорваны в клочья, словно он продирался сквозь густые заросли, к ногам прилипла

грязь и нечистоты, глаза налились кровью, лицо было бледно. После этого он несколько дней лежал больной и ничего не ел.

Глава 9

ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

Власти закончили разбирательство, когда уже настал месяц кисараги⁶³.

И столб священный не успели возвести...
Горько раскаянье,
Коль не ушел ты первым.
Но то, что вспять вода не потечет
Во много-много тысяч раз печальней⁶⁴.

Люди говорили, что мать Каэ сложила тогда это стихотворение.

Уже настало время, когда Хатино, повинувшись приказу князя, должен был выступить вместе с ним, а тут Усуми после всех событий тяжело захворал: даже головы не мог поднять, а тело его "стало словно утренняя тень". Беспокоясь, как двинется он в путь в дальнюю дорогу, решили, что его следует оставить тут, в этом доме, пока он окончательно не поправится. Но он говорил: "Если останусь лежать в этом доме, многое мне будет приходить на память, вспомнится и то, и это... Мне бы поселиться где-нибудь в уединенном месте, в тиши, в любом горном селении - ни о чем я больше не мечтаю". "Хоть так, хоть эдак - все равно", - думали все, но перевезли его вместе со знающим лекарем и тремя или четырьмя почтенными женщинами для помощи по хозяйству и ухода, в селение Фукагуса⁶⁵, в уезд Кии, там нашли ему тихое

пристанище. Тем временем настал месяц яеи, и Хатирос отправился в Адзума.

О разлуке с Каэ, столь безвременной и внезапной, Усуми не забывал ни на мгновение. В глубине дома, возле постели, он поместил статую Будды, написал на груди статуи назначенное умершей имя, утром и вечером с поклоном ставил перед ней цветы и воду, и молился теперь лишь о том, чтобы скорее скорого уйти туда, где сейчас она, будь то путь в небеса или дорога к желтому источнику⁶⁶, и жить, как говорится, "в одной чашечке лотоса"⁶⁷.

"Близко возле дома раскинулись равнины и поля"⁶⁸, доносились чистые звуки воды, и на сердце тоже становилось светло. Дуновение ветра в маленькой бамбуковой рощице рядом с домом⁶⁹ дополняло эту картину, и все вокруг трогало и очаровывало. В саду не мели и не выпалывали сорняков, поэтому там проросли весенние травы и раскрылись безымянные цветы, а возле запруды на берегу расцвели, пустили пышные побеги кусты ямабуки, совсем рядом слышался гомон лягушек⁷⁰, поющих любовь.

На закате, когда падали густые тени, горы окутывала дымка, и издалека доносился звон вечерних колоколов. Усуми думал, что это, наверное, звонят в храмах там, в Западных горах, и приходили к нему воспоминания - бесплодные, печальные. Выйдя в сад, он услышал, как из гущи окутанных туманом деревьев доносилось пение соловья:

В полях весеннею порою
Воздушной дымкой стелется туман,
И грустно на душе...
Ах, как поет сегодня
В лучах вечерних солнца соловей!⁷¹

И опять настал ясный и безмятежный день, весенние лучи проникали даже в самые густые заросли⁷², а Усуми без дум, без

чувств глядел целыми днями в небо, на голубые облака, и вспоминалось ему:

В день весенний
Когда светит ярко солнце
Жаворонки с песней в небеса летят,
О, как полно грусти мое сердце
Оттого, что я совсем один...⁷³

Из дома друга ему прислали ветви первой вишни, "в вазе и окропленные росой", - поставив цветы возле постели, он долго смотрел на них и шептал слова стихотворения: "Люблю еще сильней ту, с кем в слезах расстался..."⁷⁴

Отправляя другу ответное послание, он с краю приписал:

Ах, если сердце бы имели те цветы -
У белоснежной вишни в поле этом
Фукагуса -
То их бы лепестки
В один бы год покрылись черным цветом!⁷⁵

Стоял уже месяц яеи, поэтому Усуми тщательно позаботился о поминальных службах на тридцать пятый и сорок девятый день, и о прочем, так, чтобы не было среди людей разговоров. В храме он попросил, чтобы сделали все по его желанию, вплоть до каменного надгробия и ограды, а дома дал обет устроить заупокойное моление, чтобы две или три близкие семье монахини читали тихими голосами тысячу глав Лотосовой сутры⁷⁶.

Несмотря ни на что, не забывал он и о матушке, думал: как она там? Но, согласно заведенному обычаю, теперь между ними все было порвано, и даже тайком навестить ее было нельзя.

Постепенно лето набирало силу, в саду стало темно от разросшихся деревьев и трав, а вот дни "темнеть не хотели", и к Усуми приходила "невольная грусть"⁷⁷. В час, когда заняться ему

было нечем, он отправился взглянуть на дом, где прежде жил, ведь было это не так уж далеко. Воспоминания о минувшем нахлынули на него, и, опечаленный, он направился к усадьбе Ситиро и проскользнул в ворота, неразличимый для встречных под покровом сумерек. Непохоже было, чтобы здесь жили. Ворота притихшего старого дома обвил плющ, кровля густо заросла папоротником, и кругом хозяйничали пышные, как обычно в месяце удзуки, молодые клены - некому было их вырубить.

Вспомнилось Усуми, как моросил дождь, вспомнились клены в осеннем убранстве - будто только что все это было. Тогда они с покойной Каэ принесли камни и сложили из них в саду игрушечные горы - чтобы развлечь больную матушку. А еще посадили молодые ростки каштана и хурмы, закопали корни свежих побегов персика и сливы, вместе за ними ухаживали... Когда он вспомнил все это, комок подступил к горлу, и слезы текли "нескончаемым потоком"⁷⁸.

В том саду, что вдвоем
Мы сажали когда-то
С любимой вместе,
Поднялись так высоко,
Разветвились деревья!

Такое стихотворение он написал кистью с короткой ручкой на листке бумаги, которую держат за пазухой, прикрепил послание к одной из ветвей и удалился. Если бы увидела это матушка, она бы, наверное, горько разрыдалась.

Вернувшись в Фукагуса, Усуми продолжал всем сердцем терзаться и страдать лишь об одном. Вот уж и кукушка откуковала:

Когда услышу
Голос плачущей кукушки,
Ах, даже то, покинутое мною,
Далекое селенье

Я так люблю!⁷⁹

После этого месяцы сацуки и минацуки⁸⁰ Усуми провел в постели, тяжело больной, встречая закаты и рассветы точно во сне. Так и осень пришла. Подул, наконец, прохладный ветерок, луны стали ясными, больной постепенно возвращался к жизни. Когда наставала ночь, он поднимался с постели, и при свете уютного огонька читал повести в стихах и другие старые книги, думая о том, что издревле немало людей чувствовали так же, как и он. Порой Усуми так и не мог уснуть.

Ах, ночь осенняя!
Наступил ли рассвет?
Не зная этого, цикада плачет.
Тоскливо ей, наверно,
Как и мне.⁸¹

В тот вечер все вспоминалось ему удивительно ярко, и, обливаясь слезами, он решил почитать главу-другую сутры. Глянул, а в глубине дома погасли оба светильника перед статуей Будды - мошки туда залетели, что ли? Монахини уже улеглись и хором похрапывали. Он развел огонь, зажег светильники и со смирением в сердце принялся читать главу "Дайбабон",⁸² но когда дошел до того места, где дочь Ватацуми⁸³ проповедует, что на пути к просветлению нет ни мужчин, ни женщин, все равны, лампадки опять потухли, сразу обе. Он встал, чтобы засветить огонь, но тут раздался голос: "Оставь так, не зажигай огня". Он огляделся и увидел закутанную в белые одежды девушку, она лежала ничком, распростершись, густой черноты волосы стелились по полу.

- Кто это говорит? Здесь так темно...

А в ответ ему:

- Быстро же ты посеял в сердце семена травы забвения!

Когда девушка подняла свою точеную головку, свет померк в его глазах, сердце сжалось - да человек ли перед ним, из этого ли мира? В смятении он сказал:

- Ты стала совсем как чужая... Где ты была? И писем не посылала...

- Ах, вот что! В том краю, где я теперь живу, много скверны, это место, с которым люди не поддерживают связи, и потому я поневоле с вами порвала.

- Но кто тебя отправил в такое место?

Услышав это, она горько расплакалась:

- Всякий, у кого есть сердце, отправился бы туда, ведь я не могла быть возле вас. Мой брат Ситиро схватил меня - просьбы были уже ни к чему... "Скорее уходи!" - сказал он, пронзил меня ледяным мечом и изгнал. Мне показалось, что все перевернулось - и вот я очутилась в стране мрака... Нет пределов ужасам этой страны. Бывает, что денно и нощно, не сгорая горишь в языках пламени, а бывает - проводишь дни в снегах и льдах, из которых не выбраться. А то еще соберутся отвратительные бесы и 'звери и примутся рвать на куски, терзать твоё тело. Мало этого: часто тех, кто погиб от меча, фурии с лошадиными и коровьими мордами загоняют железными дубинами в заросли из клинков, похожих на ряды перевернутых сосулк - ничего не поделаешь, приходится по ним бегать туда и обратно.

Но даже страдания, каких не видели и не знают в этом мире, мигом забываешь, если случается, хотя бы на краткие мгновенья, вернуться сюда и взглянуть в лицо любимому. Когда из рук этого человека принимаешь воду, цветы, когда ты словно тень следуешь за ним и слышишь, как, подумав о тебе, он вслух скажет "милая, любимая", - тогда кажется, что ради этой радости стоит ступать по остриям клинков, гореть в языках пламени, замерзнуть в снегу и принимать муки, когда тебя терзают и пожирают черти. Если хочешь ты, чтобы мы всегда так виделись, ни за что не вступай на путь Будды, не ищи душевного просветления. Если не очистится душа твоя, то пусть даже наденешь ты монашеское облаченье, каждый раз, когда, уступив своему любящему сердцу, ты

подумаешь обо мне, я приду к тебе в видениях такой, какой была прежде.

Так она сказала и прильнула к мужчине, а он очень обрадовался:

- Я не знал об этом и не отправился с тобой в эту страшную темную страну, как горько, что пришлось тебе одной там скитаться... Ведь так вот приходит сюда - путь, наверное, неблизкий? Если бы знать заранее, когда ты придешь! Можно было бы послать за тобой повозку... Прошу, не возвращайся в эту опасную страну, останься здесь навсегда! Уж я как-нибудь уговорю твоего старшего брата...

Услышав это, девушка опять зарыдала.

- Как горько и обидно видеть тебя таким, словно с помутившимся рассудком! Если ты тысячу раз днем и сто раз ночью даже во сне, подумаешь обо мне с любовью, как это было нынче, то твое чувство будет лучшей колесницей мне навстречу. Каждый раз, даже опаляемая языками адского пламени, я "снова буду с тобой", в твоей душе. Если любовь твоя ко мне глубока, не открывай сердце для просветления. В тот час, когда святое озарение посетит твою душу, исчезнут все пути, какими я могла бы приходиться. Знай, что тогда мы расстанемся навек. Ах, пока мы говорили, пришли гонцы из подземного царства, я слышу их зов - властитель страны желтого источника уже ждет меня. Пора возвращаться. Если завтра, отправив всех спать, ты будешь ждать меня здесь, я приду, и мы обменяемся клятвой.

С этими словами, обессиленная, она поднялась, чтобы уйти, и исчезла словно дым.

- Куда же она ушла? Почему решила вернуться в эту страшную страну? Я пойду к ней! О, постой же! - закричал Усуми, порываясь бежать.

"Не сон ли приснился? Да он совсем не в себе!" - подбежали женщины, что были приставлены для ухода за больным, они схватили Усуми за рукав, и юноша подумал, что все было лишь во сне. Подумать-то подумал, но ведь было все словно наяву, и любовь

его лишь усилилась. "...Проснешься, ищешь, думаешь, ты рядом...",⁸⁴ - пробормотал он и снова лег.

Глава 10

БЛАГОДЕНСТВИЕ

Содзи много думал о случившемся:

"Сестрица безвременно погибла оттого, что Хати́ро вложил в руки брата острый клинок своей злобы. Брат Ситиро, глубоко в сердце хранящий верность предкам, не стал мстить за подлый удар, покрывший его позором во время поединка на деревянных мечях, но я не могу оставить без расплаты зло, которое причинил Хати́ро сестре".

Так он решил, и душа его наполнилась отвагой. Если бы он сказал об этом решении матери, она был вряд ли его одобрила, и Содзи тайком обратился к брату Сати́ро: мол, так и так я надумал, прошу разрешить мне в ближайшее время отправиться в Адзума. Выслушав это, Ситиро так увещевал его:

- Ты на это решился не без причины, но если взглянуть шире, как велит нам долг - покажется все малою росинкой.

То, что ты хочешь отплатить Хати́ро за его жестокость, касается лишь тебя самого. А вот почитать родителей - это дело общее, это касается всех, потому-то я много раз уступал Хати́ро, и даже нестерпимую обиду оставил без расплаты. Неужели из-за личной вражды ты нарушишь установленный небом порядок?⁸⁵

- Верно, верно, - отвечал Содзи и перестал думать о мести.

Как говорили про благородного мужа в чужой стране, "путь его вначале как будто не виден, но по прошествии времени становится заметным"⁸⁶, так и Ситиро: скрывал свои достоинства, а все же о них прослышали во всех четырех концах света.

Ну, а Хатири истратил тысячу золотых на постройку храма, поднес в дар этому храму сутру, на могиле усопшей поставил каменную плиту, инкрустированную яшмой. Кроме того, голодных и иззябших он оделял рисом и тканями, а поминальную службу заказал такую пышную, что и сравнить не с чем. Быть может поэтому, болезнь Усуми отступила, он совсем поправился. Люди, которые знали все обстоятельства дела от начала до конца, рассказали Ситиро и его родным, что так мол, и так, что бессердечие Хатири имело причины, и между двоюродными братьями восстановились прежние отношения.

"Все было predetermined судьбой, и мне теперь горько, что, не зная этого, я поддался гневу", - говорил Ситиро.

Дотоле безвестное, имя его наконец засияло, подобно солнцу, и князя всех провинций, на востоке и на западе, севере и юге говорили: "Вот бы такого в наш клан!" - или: "Надо его взять на службу и приблизить к себе!" Приглашать его приезжали и верхом, и в экипажах, но Ситиро никому не дал согласия. Тогда князя стали посылать ему с гонцами, все людьми благородными, то золото, то серебро, то оружие, а то и картины - "ради попечения о матушке". С тех пор он зажил счастливо, рассказывают, что дети и внуки его тоже богатели и процветали, люди говорят, что случилось это в средние века.

КОММЕНТАРИЙ

1. Ростом он был около шести сяку и двух сун... - Рост героя составляет приблизительно 1,88 м (1 сяку = 10 сун = 30,3 см).

2. Омори Хикосити (Моринага) - легендарный воин XIV в., вассал сегуна Асикага Такаудзи, сражался против низложенного императора Годайго, пытавшегося вернуть себе власть.

3. Кусуноки Масасигэ (1294-1336) - прославленный полководец, верный вассал императора Годайго. В сражении при Минатогава (1336) приверженцы Годайго потерпели поражение, и Кусуноки Масасигэ был вынужден покончить с собой. Легенда, нашедшая отражение в военной хронике "Тайхэйки", рассказывает, что неуспокоенная душа Кусуноки Масасигэ после смерти преследовала своего

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

противника Омори Хикосити, пытаюсь лишить Хикосити меча. После Аятари эту легенду использовал Фукути Оти (1841-1906), известный драматург, автор пьес для театра кабуки.

4. "...я готов был бы поступиться всеми семью сокровищами" - Семь сокровищ - традиционный символ богатства. В число этих сокровищ входят: золото, серебро, лазурит, кораллы, янтарь, агат и раковины моллюска Тридакия.

5. "Раз уж оружие принадлежало такому человеку, оно достойно сравниться с мечом Кусанаги". Сравнивая меч Кусаноки Масасигэ с легендарным мечом Кусанаги, Такэбэ Аятари ссылается на "Кодзики". Меч входит в число императорских регалий, так как согласно японской мифологии, был передан богиней Аматэрасу своему потомку, богу Хикохо-но ниниги-но микото, когда он спустился на землю, чтобы править людьми. В авторском комментарии приведена цитата: "Обломок своего меча всадил, смотрим - а там оказался острый клинок. Это и был меч Кусанаги". Речь идет о том, как бог Сусаноо в стране Идзумо, спасая деву Кусинада-хим, бился со змеем Ямато-но ороги. В хвосте этого змея и был найден меч Кусанаги.

6. Точно опали цветы ямабуки... - Ямабуки (керрия японская) - это невысокий кустарник, цветущий желтыми цветами. Часто в устной речи золото, золотые монеты называли "ямабуки".

7. Целебный корень из страны Каракуни. - У Аятари: Каракуни-но канонигэкуса. Сбоку приписаны иероглифы (人蔘) - "морковь", которые часто ошибочно употребляются вместо (人蔘) - "жэньшэнь". Очевидно, в данном случае под словом канонигакуса - "целебный корень" - следует понимать именно жэньшэнь. Словом Каракуни в древности обозначали Китай и Корею.

8. В искусстве игры на кото она не уступила бы даже дочери Тосикагэ. - Дочь Тосикагэ является одной из главных героинь повести X в. "Уцубо моногатари" и известна как прославленная мастерица игры на кото. Кото - тринадцатиструнный щипковый музыкальный инструмент, напоминающий цитру.

9. ... рядом - гора Огура, вдали - вершина Такао и Отаги. - Гора Огура находится в квартале Сага района Уке города Киото, она неоднократно воспета в стихах, часто играет роль утамакура - "изголовья песни", как называют топоним, служащий поэтическим зачином в классической японской поэтике. Гора Такао находится в квартале Такао того же района Уке, гора Отаги (иначе Атаго) примыкает к ней с запада. Склоны всех трех горных вершин прославлены красотой осенних кленов. Издавна эти места носили название Нисияма (Западные горы). Очевидно местность, в которой Аятари поселил своих героев, дала название повести.

10. Седзи - так называются в Японии ширмы или раздвижные перегородки в виде деревянных рам, обтянутых бумагой. У Аятари слово записано на старинный манер: содзи. Имеется авторская ссылка на повесть XI в. "Гэндзи моногатари", где бумажные ширмы также обозначаются словом содзи или соси.

11. Верховный владыка, ведавший Поднебесной во дворе Оцу - как отмечено в авторском комментарии, имеется в виду император Тэндзи (662-671), который так именован в поэтической антологии "Манъёсю" (п.16) - имена императоров табуировались и заменялись описательными обозначениями.

12. Фудзивара Каматару (614-669) - основатель знаменитого рода Фудзивара (первоначальное имя - Накатоми Камако), крупнейший государственный деятель в правление императора Тэндзи.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

13. ...принцесса Нукада ответила, сложив песню. - Принцесса Нукада, жена императора Тэндзи, является одной из лучших поэтесс "Манъесю". Одно из ее стихотворений (п.16) Аятари пересказывает в тексте повести от имени старой матушки. Смысл стихотворения в том, что красота осенних листьев, которая будит размышления о быстротечности жизни, милее недоступной красоты весенних цветов, скрытых высокими травами.

14. "Сосны и дубы даже под снегом не меняют цвета" - Сосна и дуб - распространенный в китайской литературе образ, символизирующий душевное постоянство и твердость.

15. ...пуская "в котле для риса повисла бы паутина", я бы радовался снегу и "под холщовым одеялом", и должен был бы гордиться, что "не найдется никого на свете мне равного", но у меня не хватит сил глядеть на единственного сына "всего в слезах от горя"... - Весь этот пассаж построен на цитатах из содержащегося в "Манъесю" стихотворения Яманоз Окура "Диалог бедняков" (п.892). Это отмечает и сам Такэбэ Аятари в комментарии. В нашем переводе мы использовали перефразированные цитаты из перевода этого стихотворения, выполненного А.Е.Глускиной¹

16. ..."хоть говорят, что солнце и луна сияют ярко", едва ли будут они светить мне: - Герой Аятари Ситиро отвечает в тон Хатири, цитируя стихотворение Яманоз Окура "Диалог бедняков".

17. На широкой равнине у реки Оигава - Река Оигава протекает по равнине Сагано, в нижнем течении носит название Кацурагава, в верхнем - Ходзугава. Слова "широкая равнина" (соно) указывают, видимо, на равнину Сагано.

18. ...Холщовая накидка катагину и штаны хакама - Катагину - одеяние типа накидки, без рукавов. Хакама - широкие штаны, у пояса заложенные в крупную складку.

19. Он появился с восточной стороны - Видимо, не случайно Хатири усаживается в западной части площадки, а Ситиро появляется с востока. В Японии, как и в Китае, восток и юг считается воплощением положительного светлого начала ян, а запад и север воплощали отрицательное темное начало инь. Таким образом, автор рисует Ситиро носителем положительных качеств.

20. "...глаза этого высокорослого мужчины были зорче, чем у бога Окумэ. - Бог Окумэ-но микото (Великое божество Кумэ) упоминается в "Кодзики". Во второй книге "Кодзики" он описан как бог с "пронзительными татуированными глазами" - сакэру томэ. Татуировка в уголках глаз, нанесенная с целью придания взору сверлящего выражения, характерна для всего Юго-Восточного региона.

21. ...нос казался разве что чуть меньше, чем у божества Саруда... Саруда упоминается и в "Кодзики", и в "Нихонги" (историческая хроника VIII в.) - это земное божество, которое служило проводником потомку богини Аматаэрасу, спустившемуся с небес, чтобы править людьми. Внешний вид этого божества подробно описан в "Нихонги" и там, в частности, сказано, что нос бога Саруда был равен семи ата (ата - расстояние между большим и указательным пальцами на руке).

¹ Здесь и далее переводы А.Е.Глускиной из "Манъесю" цит.по: Манъесю. В 3-х томах. М., 1971.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

22. ...мечи были большие, деревянные, из древесины сиракаси - Японские воины овладевали искусством фехтования, используя деревянные мечи. "Дружеские" поединки тоже обычно проводились с использованием деревянного оружия. Обычным материалом для деревянных мечей служила твердая и крепкая древесина сиракаси - мирзинолистного дуба.

23. ...меч у Ситиро был сделан из акадза. - Аказда - марь (лебеда красная), однолетнее растение, по настоящее время из его крупных экземпляров изготавливают легкие, но ломкие трости. Ситиро подменил свой меч нарочно, чтобы уступить брату. Очевидно, здесь в измененном виде присутствует мотив, разработанный в старинной японской легенде о подмене меча. Легенда эта отражена в "Кодзики": принц Ямато Такэру, намереваясь убить своего брата Идзумо Такэру, сделал себе деревянный меч, позвал Идзумо Такэру купаться, а затем вышел из воды первым, взял меч брата и предложил ему сразиться - Идзумо Такэру взял деревянный меч и был убит братом. В "Нихонги" рассказывается о братьях Идзумо-фурунэ и Ии-иринэ, из которых старший, Идзумо-фурунэ, таким же способом расправился с младшим.

24. Месяц удзуки - четвертая луна по лунному календарю, по европейскому календарю приходится на май - начало июня.

25. Лак уруси - жидкость, выделяемая листьями и корой лакового дерева (*Rhus vernicifera*), обладает вяжущими свойствами.

26. Седло сидзукура - седло из ткани грубого плетения, называемой сидзу (сидзуори).

27. "В потоке воды опавший цветок хризантемы" - Аятари описывает герб "хризантемы на воде", принадлежащий клану Кусуноки Масасигэ.

28. "...меч поместили на горе, где я живу..." - подразумевается, что призрак говорит о храме в горах, куда предки Ситиро отнесли меч и откуда Ситиро его похитил.

29. "Но ведь люди, наверное, говорили, что меч висел у ратника на поясе, а не валялся в стороне"... - Согласно кодексу воинской чести "бусидо", если воина лишают его оружия, это приносит ему бесчестье, но если он, совершив харакири, сам отбросит меч в сторону, в этом нет ничего позорного.

30. "Уж не рассвет ли? - Наверное, так", - здесь Аятари цитирует стихотворение из антологии "Сэндзайсю" (1183 г.):

Акацуки-ни	Уж не рассвет ли?
Нари я синураму	Наверное, так.
Цукикагэ-но	Ведь при свете луны
Киеки кавахара-ни	На отмели чистой
Тидори накинари.	Закричали тидори. ²

В комментарии Такэбэ Аятари стихотворение приведено полностью со ссылкой на антологию "Синкокинсю" (1201 г.).

² Здесь и далее во всех случаях, когда мы не указываем, кем выполнен перевод стихотворений, они приводятся в нашем переводе (И.М.).

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

31. ...заиграла так, что, пожалуй, "и павианы спустились с горных вершин", чтобы послушать. - Такэбэ Аятари приводит цитату из повести "Уцубо моногатари" и в своем комментарии это отмечает.

32. Голосом, подобным голосу той птицы, что живет в стране Будды... - В комментарии Аятари поясняет: "Так говорят про Калавинку". Калавинка (яп.Каребинга) - птица с человеческой головой и сладчайшим голосом, персонаж буддийской мифологии.

33. Когда это будет... - Это и следующие стихотворения взяты из "Манъесю" (пп.810-811), но использованы стихи в контексте, существенно отличном от того, какой видим в "Манъесю". Автор стихов, Отомо Табито, посылая в подарок своему другу Фудзивара Фусасаки японское кото, сопровождал его посланием, построенным в форме беседы с кото, которому приснилось, что оно превратилось в девушку. Девушка-кото мечтает быть постоянной спутницей просвещенного человека, истинного ценителя музыки (песня Каэ), и Отомо Табито отвечает ей стихотворением, которое Аятари вложил в уста Усуми. Оба стихотворения даны в переводе А.Е.Глускиной.

34. Песни имае - стихотворения из 4-х или 8-ми строк по 5-7 слогов в каждой. Начиная с эпохи Хэйан и до конца средних веков исполнялись на придворных приемах во время застолья.

35. До чего противны мне... - одно из стихотворений из цикла Отомо Табито о вине ("Манъесю", п.344), перевод А.Е.Глускиной. В повести Такэбэ Аятари, как и в стихах Табито, противопоставлены те, кто не пьет вина и любители "уронить слезу спьяну". Очевидно, вся сцена навеяна стихами из "Манъесю".

36. До чего противны мне те, что красны от вина... - Видимо, автор стихотворения сам Аятари.

37. ...будто встретились в долине небесной реки... - На небесной равнине ("в долине небесной реки") раз в год встречаются, согласно легенде, влюбленные Волопас и Ткачиха (звезды Алтаир и Вега), в остальное время их разделяет Небесная река (Млечный путь).

38. Вот и "день особый" настал, а они в гости друг к другу не ходили, вина вместе не пили... - Слово "день особый" (котадацу хи), как указано в комментарии, взяты из "Исэ моногатари", автор поясняет: "Речь идет об особом дне в первом месяце года, когда собираются родственники". В отрывке 84 рассказывается о правителе, который хотя и принял монашеский сан, все же в день Нового года непременно угощал вином своих приближенных со словами: "Первый месяц года - дело особое". Для классически образованного читателя слова котадацу хи должны были ассоциироваться с содержанием отрывка из "Исэ моногатари", и таким образом глубина разрыва между героями повести Аятари выявлялась более рельефно.

39. "Грустный миг, когда каждый в свое облачается платье" - Такэбэ Аятари цитирует стихотворение из антологии "Кокинсю", в авторском комментарии оно приведено полностью:

Синонома-но	Бледность небес
Хогара-хогара то	Дружный окрасил восход,
Акэюкэба	Ах, как печален
Оно-га кину-гину-ни	Миг тот, когда
Надзо канасики	Каждый в свое облачается платье.

40. "Весна опять пришла, но теплые лучи не растопили моих "замерзших слез"... Говоря о том, что весенние лучи должны растопить ее замерзшие слезы,

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

героиня намекает на известное стихотворение из антологии "Кокинсю". В комментарии Такэбэ Аятари стихотворение приведено полностью:

Юки-но ути-ни Хоть снег кругом,
Хару-ва киникэри Весна уже пришла.
Угуйсу-но Теперь, наверно,
Коорэру намида Замерзшие слезинки соловья
Има я токураму Растают?

(п.4)

Слово *наку* имеет два значения: "петь" о птицах и "плакать", что обусловило возникновение образа "соловьиные слезы" (*угуйсуно намида*). С зимой связан образ замерзших соловьиных слез, а весной слезы соловья "оттают" и он вновь запоет. Аятари усложнил эту метафору: девушка, "замерзшие слезы" которой не тают даже весной, завидует соловью.

41. "Напрасно давали мы клятву"... - Буквально сказано: *ада-ни тигиритэ* - это цитата из стихотворения Аривары Нарихира, помещенного в "Исэ моногатари" (стр.21). В авторском комментарии имеется ссылка и дан полный текст стихотворения:

Омоу каинаки Лишенным смысла
Е нарикария Стал наш союз!
Тосицуки-о Ужель напрасно
Ада-ни тигиритэ В союзе долгом с тобою жить
Варэ я сумаи си Я клялся?

(Пер.Н.И.Конрада³).

В "Исэ моногатари" рассказывается о внезапном и необъяснимом разрыве между кавалером и дамой. Аналогична ситуация, описанная в повести.

42. Мандаринские утка и селезень - мандаринские утки в литературе дальневосточного региона являются символом счастливого супружества.

43. "Казалось, что вечно будут длиться те дни"... Такэбэ Аятари цитирует стихотворение из антологии "Кокинрокудзэ" (X в.), в авторском комментарии оно приведено полностью и указан источник заимствования.

Ару токи-ва Казалось, что те дни продлятся вечно,
Ари-но сусами-ни И своего я сердца не открыл.
Катарава-дэ Лишь разлучившись с нею, понял:
Коисики моно то Она - любовь моя.

Вакарэтэ дзо сиру.

44. "... пойти на поклонение богам Мацуноо", - имеется в виду известный синтоистский храм Мацуноо-но тайся, посвященный богам Ооямакуи-но микото и Итикисима-хима-но микото. Храм сохранился с древнейших времен до наших дней, расположен в районе Мацуноо г.Киото.

45. Люблю тебя, и нынче целый день... - Такэбэ Аятари не указывает, откуда взято это стихотворение, возможно он сам является автором.

³ Здесь и далее переводы Н.И.Конрада из "Исэ моногатари" цит.по: Исэ моногатари, М., 1979.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

46. В мире этом удел наш - страданья... Как указывает Такэбэ Аятари, стихотворение взято из антологии "Кокинрокудзэ", автором его является прославленная поэтесса древности Отомо Сэканоз (VIII в.).

47. Хоть говорили все: "Пришла весна"... - С небольшими изменениями Аятари включил в письмо героя строки из стихотворения Мибу-но Тадаминэ:

Хару кону то Хоть говорили все:
Хито-ва иэдомо "Пришла весна!" -
Угусу-но Пока не слышал песни соловьиной.
Накану кагири-ва "Ее все нет" - ,
Арадзи то дзо оmoi
("Кокинсю", п.II).

Поскольку письмо Каэ содержит стихи из "Кокинсю", герой тоже использует в ответе поэзию "Кокинсю", а поскольку героиня сравнивала себя с соловьем, герой развивает это сравнение.

48. Утренний туман, не вставай! Ведь скроешь ты... - автор стихотворения, по-видимому, сам Аятари.

49. Коль, от любви страдая, душа покинет тело... - стихотворение Отомо Саканоз из антологии "Кокинрокудзэ". Последнюю строку стихотворения можно понять двояко: как вопрос нани я нокораму ("что останется?") и как утверждение на-ни я нокораму ("останется лишь имя").

50. Ждал я иль нет... Автором данного стихотворения, построенного на омонимичности японских слов мацу - "ждать" и мацу - "сосна", является Такэбэ Аятари. По форме стихотворения представляет собой катаута.

51. Месяц кисараги и месяц яеи - третий и второй месяцы по лунному календарю. Как уже говорилось выше, месяц удзуки - четвертый по лунному календарю, т.е. князь вернулся в столицу на месяц раньше намеченного, чтобы тут же отправиться в Адзума.

52. Ямато - название первого государственного образования на территории Японии, не случайно глубоко почитающий национальную старину Такэбэ Аятари использует именно это название, которое в его время служило торжественно-приподнятым наименованием для всей страны.

53. "Узы между родителями и детьми - лишь на один век..." - Буддийское учение о перерождениях говорит о том, что родители и дети после смерти свободны от взаимных обязательств, в то время как супруги остаются связанными и в следующих перерождениях.

54. "... молодые тают как роса на листьях трав кладбища Адасия". - Название заброшенного кладбища в горах неподалеку от Киото иногда употребляли как имя нарицательное, указывающее на место последнего успокоения. Слова "тают как роса на листьях трав" (кусаба но цую то киэ) представляют собой гибрид двух устойчивых выражений: "таять подобно росе" - цую то киэру, что является традиционным образом бренности земного существования, и "под сенью листьев трав" - кусаба-но кага-иэ (символ потустороннего мира, загробной жизни).

55. Сосны в Суминоэ и Такасаго - существует легенда о древних соснах-супругах, одна из которых растет с Суминоэ (пров.Сэтцу), а другая в Такасаго (пров.Харима). Сосны являются символом долгой и счастливой супружеской жизни. Легенда эта нашла отражение в "Маньесю", "Кокинсю", ей посвящена пьеса Дзэами Мотокиэ "Такасаго".

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

56. "Горный отшельник, по равнинам скиталец" - ямабуси нобуси, имеется ссылка на антологию "Сюисю". В авторском комментарии полностью приведено стихотворение, послужившее источником заимствования:

Ямабуси мо Горный отшельник,
Нобуси мо какутэ По равнинам скиталец, -
Кокоромицу Все испытал я.
Ива-ва тонэри-но Теперь мила мне
Нэя дзо юкасики Каморка слуги.

В стихотворении говорится о предпочтительности положения слуги любого ранга перед положением бродяги, самурая, не имеющего хозяина. Оно подчеркивает разницу в социальном статусе между Ситиро и Хатири.

57. Как подумаю о том, что распускается... - автором стихотворения является, по-видимому, сам Аятари. Порванный нижний шнур одежды считался знаком измены.

58. Час Обезьяны - время с 16 до 18 часов. Во времена Аятари свадебные торжества обычно устраивали вечером.

59. Коль цвет меняют листья трав и слов... - это и два следующих стихотворения, по-видимому, написаны самим Такэбэ Аятари.

60. Энгава - приподнятая над землей крытая галерея, опоясывающая японский дом.

61. ...люди пекутся о своих детях не меньше ночных журавлей. - Образ ночного журавля - это символ родительской любви и заботы. Считается, что ночью журавль не спит, охраняя сон птенцов.

62. В доме как раз в этот день... священник читал сутры... - Во времена Аятари священники ежемесячно посещали дома прихожан и читали вслух сутры или произносили проповеди.

63. Кисараги - название второго месяца по лунному календарю. Таким образом Аятари отвел на судебное разбирательством месяц.

64. Горько раскаянье... - Стихотворение неизвестного автора из антологии "Кокинсю" (п.837). В авторском комментарии источником заимствования ошибочно названа антология "Кокинрокудзэ". Священный столб - это столб, который в древности возводили для того, чтобы на него могли спускаться с небес боги и души умерших.

65. Селение Фукагуса - ныне входит в черту г.Киото. В Фукагусе находилось место захоронения членов старинного аристократического рода Фудзивара, в связи с этим топоним Фукагуса встречается в поэзии как символ вечного покоя, тишины, безлюдья. Следует также отметить, что этот топоним связан с легендой о встрече во сне с духом умершего. Считалось, что тот, кто был однолюбом, после смерти любимого человека сорок девять дней видит его во сне, а называли такого человека "Фукагуса-но сесе" - "генерал Фукагуса".

66. Дорога к желтому источнику - в японской мифологии загробный мир именуется страной Желтого источника (Еми-но куни).

67. Жить в одной чашечке лотоса - согласно буддийским поверьям, обитатели Чистой Земли (буддийского рая) сидят на чашечках лотоса. В данном случае желание героя жить в одной чашечке лотоса" с любимой не означает стремления достичь райского блаженства, а говорит лишь о желании быть вместе после смерти.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

68. "Близко, возле дома раскинулись равнины и поля..." - Цитата из стихотворения, помещенного в антологии "Кокинсю". В комментарии Аятари стихотворение приведено полностью:

Нобэ тикаку	Так близко возле дома моего
Иэ и сисэрэба	Раскинулись равнины и поля,
Угусу-но	Что голос плачущего соловья
Накунару коэ-ва	Сюда доносится утрами.
Аса на аса на кiku	Ах, каждым утром слышу я его!

Содержание этого стихотворения в контексте повести может быть истолковано в аллегорическом плане: соловей - образное воплощение героини (см. главу "Письма"), "равнины и поля" (нобэ) в японской поэзии часто символизируют место последнего успокоения. Герой недалеко уехал от могилы Каэ (равнины и поля близко возле дома) и каждый день ее вспоминает (слышит голос плачущего соловья).

69. "Дуновение ветра в маленькой бамбуковой рощице рядом с домом" - это цитата из стихотворения Отомо Якамоти. В авторском комментарии имеется ссылка на "Манъесю" и стихотворение приведено полностью:

Вага ядо-но	Вечерняя пора, -
Исасамурадакэ	Когда едва-едва
Фуку кадзэ-но	Я слышу дуновение ветра
Ото-но касо кэки	У дома моего
Коно юфу бэ камо	В бамбуковой листве

(Пер. А. Е. Глускиной).

70. Пустили пышные побеги цветы ямабуки, совсем рядом слышался гомон лягушек... - В авторском комментарии приведено стихотворение из "Манъесю", которое легло в основу этого описания:

Кавадзу наку	Отражаясь в реке
Камунаби кава-ни	Возле гор Камунаби,
Кагэ миэта	Где плачут лягушки весенней порой
Има я сакураму	Не теперь ли цвести цветом золота
	будут
Ямабуки-но хана	Ямабуки первых цветы?

(п.1435) (Пер. А. Е. Глускиной).

Весеннее кваканье лягушек в японской поэзии воспевается наряду с пением соловья и является символом любовного топления.

71. В полях весеннею порою воздушной дымкой стелется туман... - Аятари цитирует стихотворение из "Манъесю" (п.250), автором стихотворения является Отомо Якамоти. Приводим перевод А. Е. Глускиной.

72. ...весенние лучи проникали даже в самые густые заросли... Это цитата из стихотворения, взятого в "Кокинсю", в авторском комментарии оно приведено полностью:

Хару-но хикари	Весенние лучи не разбирают,
Ябуси ваканэба	Где заросли густы, где - нет.
Исоноками	И в Исоноками,
Фуру нисидзато мо	Селенье старом,
Хана сакуникэри	Цветы раскрылись.

(п.870).

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

Между содержанием цитируемого стихотворения и душевным состоянием героя повести существует связь по контрасту: под лучами весеннего солнца даже в заброшенном селенье распустились цветы, а Усуми и весна не в радость.

73. В день весенний, когда светит ярко солнце... - Стихотворение Отомо Якамости, помещено в "Манъесю" (п.4292), приведено в переводе А.Е.Глускиной.

74. "Люблю еще сильнее ту, с кем в слезах расстался..." - Аятари цитирует стихотворение из антологии "Сюивакасю". В авторском комментарии стихотворение приведено полностью, но ошибочно атрибутировано антологии "Госюйсю":

Сакура хана Покрытый каплями дождя
Амэ-ни нурэтару Цвет вишни...
Као мирэба Увидев лик его,
Накитэ вакарэ си Люблю еще сильнее
Хито дзо коисики Ту, с кем в слезах расстался.

В "Сюивакасю" вторая строка стихотворения выглядит несколько иначе, чем в комментарии Аятари. В "Сюивакасю" видим: цую-ни нурэтару - "покрытый каплями росы". Возможно, Аятари цитировал стихотворение по памяти - отсюда ошибки и неточности.

75. Ах, если сердце бы имели те цветы... - стихотворение Камицукэ, в авторском комментарии имеется ссылка. Перевод А.Е.Глускиной⁴.

76. Лотосовая сутра - (яп.Хоккэке). Сутра содержит 29 глав, так что упоминание о тысяче глав не следует понимать буквально, речь идет о большом объеме сутры.

77. ...дни "темнеть не хотели", и к Усуми приходила "невольная грусть" - аллюзия на стихотворение из "Исэ моногатари", полностью приведенное в авторском комментарии:

Курагатаки Сумерками дня
Нацу-но хикураси Летнего, который
Нагамураба Не хочет так темнеть,
Соно кото то наку С тоской гляжу я, и невольно
Моно дзо канасики Грустно мне...
(стр.44) (Пер.Н.И.Конрада)

В "Исэ моногатари" рассказывается о страданиях юноши, чья возлюбленная умерла - налицо контекстуальное сходство.

78. ...слезы текли "нескончаемым потоком". - Аятари цитирует стихотворение Отомо Табито ("Манъесю", п.453). Вместе с процитированным ниже стихотворением "В том саду, что вдвоем..." ("Манъесю", п.452) оно входит в цикл Отомо Табито "Три песни, сложенные, когда Табито вошел в свой дом". Приводим в переводе А.Е.Глускиной.

79. Когда услышу голос плачущей кукушки... - Как отмечено в авторском комментарии, стихотворение взято из антологии "Кокинсю".

80. Месяцы сацуки и минацуки - пятый и шестой месяцы по лунному календарю.

⁴ Цит. по: Японская литература в образцах и очерках. - Л., 1927.

Такэбэ Аятари. Повесть западных гор

81. Ах, ночь осенняя!.. Стихотворение Фудзивара Тосиюки, взято из антологии "Кокинсю".

82. Глава "Дайбабон" - название 12-й главы Лotosовой сутры ("Глава о Дэвадатте"). Имя ученика Сакья Муни Дэвадатты по-японски произносится как Дайбадатта, отсюда название "Дайбадаттабон", сокращенно "Дайбабон".

83. Дочь Ватацуми - дочь бога морей, его изображали в виде дракона. Аятари называет "дочерью Ватацуми" дочь морского дракона, а точнее - нага, Сагары. О ней идет речь в главе "Дайбадаттабон" Лotosовой сутры.

84. ...проснешься, ищешь, думаешь, ты рядом..." - Строки из стихотворения Отото Якамоти, в авторском комментарии оно приведено полностью с пометой "Манъесю":

Юмэ-но аи-ва	О, эти встречи
Курусикарикэри	Только в снах с тобою -
Одорокитэ	Как это сердцу тяжело...
Какисагурэдомо	Проснешься - ищешь, думаешь -ты рядом.

Тэ-ни мо фурэнэба И видишь - нет тебя со мной.
(п.741) (Пер.А.Е.Глускиной)

85. "Неужели из-за личной вражды ты нарушишь установленный небом порядок?" - Обычай кровной мести был в Японии строго регламентирован: мстить могли только младшие по возрасту или положению, т.е. именно Содзи мог наказать Хатирос за смерть сестры. Однако убить Хатирос означало проявить непочтение к матери, как старейшине всего рода. Именно об этом говорит в своем поучении Ситиро.

86, "...путь его вначале как будто не виден, но по прошествии времени становится заметным..." - Это изречение Цзы-сы, автора "Учения о середине" - одного из канонических китайских произведений, вошедшего в Четырехкнижие.

Пер.и комм.И.В.Мельниковой